

Санкт-Петербург Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №8 (8), сентябрь 2011 г. <http://provintelligent.ru>, spb-intelligent.web.officelive.com

Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества, E-mail: spb.intelligent@gmail.com, provint.pashckov@yandex.ru

*«Я хочу, чтобы вы не забыли меня,
если это, конечно, в природе возможно»*

Уже прошло столько лет. Давно пожелтели страницы книги, изданной два года спустя после его ухода. Появлялись и исчезали новые имена. Но есть люди, в чей уход – двадцать ли, сто лет спустя – не хочется верить, вопреки здравому смыслу и законам природы. 17-ого сентября особенно остро ощущаешь жёсткую мудрость его слов:

Но тайна мироздания лежит
На телеграмме тяжело и чисто,
Что слово «смерть», равно как слово «жизнь»,
Не производит множественных чисел.

17 сентября 1984 года ушёл Юрий Визбор. У каждого, кому дорого это имя, есть свои любимые строки, любимые образы, будь то «солнышко лесное», «излишний вес» или стоящие – назло всем инструкциям по хранению! – у печки лыжи... Или же – образ осеннего курортного городка, неизменно всплывающий в памяти, когда осень застаёт тебя на побережье; неважно, Чёрного ли моря, Средиземного, или Тихого океана.

Редакция выражает глубокую признательность правообладателям наследия Ю.И. Визбора и ООО «Тулубьева, Осипов и партнёры» за их любезное разрешение на публикацию данных текстов. А Юрию Иосифовичу – за всё остальное.

В Ялте ноябрь

В Ялте ноябрь.

Ветер гонит по набережной

Жёлтые жухлые листья платанов.

Волны, ревя, разбиваются о паранет,

Будто хотят добежать до ларька,

Где торгуют горячим бульоном...

В Ялте ноябрь.

В Ялте пусто, как в летнем кино,

Где только что шла французская драма,

Где до сих пор не остыли

моторы проекторов,

И лишь экран одиноко глядит

Освещённый косым фонарем...

В Ялте ноябрь.

Там, в далёких норвежских горах,

Возле избы, где живут

пожилые крестьяне,

Этот циклон родился,

И, пройдя всю Европу,

Он, обессиленный, всё ж холодит

Ваши щёки.

В Ялте ноябрь.

Разрешите о том пожалеть

И с лёгким трепетом взять

Вас под руку.

В нашем кино

Приключений осталось немного,

Так будем судьбе благодарны

За этот печальный оброненный

кем-то билет...

1970. Ю.И. Визбор.

– А здесь и вправду есть такой ларёк?

– Есть.

– Где?

– Вот там, в конце набережной,

– Боже мой, всё есть! Есть Ялта, есть ноябрь, есть платаны, есть ларёк. Есть ты, в конце концов!

В конце концов, есть я!

Волны грохались о бетон набережной, и белыми высочайшими стенами вода взмывала вверх, обдавая всю европейскую часть и достигли города Ялты. В Ялте на набережной стояла Лариса, и самые смелые, расставив руки, позволяли морской стихии, разбитой на капли, падать на шляпы и плечи, на их нуждающиеся в отдыхе лица. С фонарей, находившихся в зоне водяного обстрела, были заблаговременно сняты белые стеклянные плафоны. Синели горы. Лариса сдёргнула с головы платок, мотнула головой (это движение всегда смешило меня), и её соломенные волосы поднялись под ветром.

– Холодные массы воздуха, – сказал я, – вторглись со стороны Скандинавского полуострова, прошли всю европейскую часть и достигли города Ялты. В Ялте на набережной стояла Лариса.

– Зверь, зверь мой, как я счастлива, если бы ты знал! Если бы ты хоть на минуту себе представил, как мне трудно с тобой!

Мы шли к ларьку (уже была видна надпись «Бульон-пирожки») и крутились вокруг друг друга. В гавани стоял большой белый итальянский лайнер «Ренессанс», и оттуда ветер доносил тихую одинокую мелодию. Играла труба.

– На набережной города Ялты стояла Лариса и пила горячий бульон. Пожалуйста, два стакана! Горячий? Замечательно! Не на кубиках? Ещё лучше. Мы с ней любим друг друга. Спасибо. С одной стороны, пальцы Ларисы обжигал горячий стакан...

– Ежесекундно дрожать от мысли, что всё это может кончиться, что всё это может пропасть в один миг, может быть украденным каким-то проходящим поездом, зверь, который и стоит-то на нашей станции всего одну минуту, – это мука!

– С другой стороны, эти же самые пальцы холодили массы холодного воздуха, вторгшегося со стороны Скандинавского полуострова...

– Боже мой, я никогда не знала, как страшно настоящее чувство! Я так боюсь его, зверь, мне кажется, я брошу тебя, потому что я не в силах нести эту тяжесть!

– Малыш, ты несешь какую-то слабоумную чушь, но дело не в этом, дело в том, что эти вот массы холодного воздуха вторглись со стороны Скандинавского полуострова только лишь с одной целью – и с целью городской и высокой...

– Да, я понимаю, что имитация чувств – уныла, но она совершенно не трагична, одно звено легко меняется на другое, ни над чем не дрожишь, необходима просто сумма качеств...

– ...а цель у них такова: поднять твои волосы, выполнить эту великую функцию, ради которой они пролетели столько тысяч миль!

Она остановилась, уставилась на меня, как будто видела в первый раз, уткнулась головой мне в грудь и заплакала.

– Что ты?

– Ничего. Сейчас пройдёт.

– Что с тобой, малыш?

– Мне страшно. После счастья ведь бывают несчастья.

– Кто тебе сказал?

– Я знаю.

– Ерунда. Совершенно не обязательно,

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Ну, слава богу.

Она вытерла слёзы, как-то неуверенно улыбнулась, и мы пошли дальше. В гавани прогулочные пароходики качали мачтами. Работали аттракционы. С рынка отдыхающие несли связки сладкого фиолетового лука. Лариса ошиблась: за счастьем последовало ещё большее счастье. Но когда пришло несчастье, то из этого совершенно не следовало, что за ним последует очередное счастье. Совершенно не следовало.

Ю.И. Визбор. Из повести «Завтрак с видом на Эльбрус»

Вика Ветрова

Замри и отомри без слов!

Упал с ладони миг.

Ведь детство – тоже ремесло

Из ландышей и книг.

Замри! И запоздалый гром

Повис над головой,

Застыли тени под окном

Немые, как конвой.

И мир пустой, как будто боль
Течением унесло.

Замри и вслушайся в любовь.

И отомри без слов!

Кое-что о журналистской шумихе и вундеркиндах

Интервью с Викторией Николаевой Ветровой, многим запомнившейся 11-летним потом, глядящим на мир огромными грустными глазами со страницы «Комсомольской правды»

– О «юных дарованиях» 80-90-х годов ходит много домыслов. В основном, трагического характера: спилась, испилась, умерла и т.д. И, наверно, Вам так же, как и мне, хочется хотя бы частично с этими домыслами расправиться. Поэтому, пожалуйста, расскажите вкратце: что случилось с Викторией Ветровой после её нашумевших публикаций в «Комсомолке» в начале 1990-х годов?

– Ничего со мной не случилось, никуда я не девалась. Собственно, и публикация в «Комсомольской правде» была не первой моей публикацией. Начала я, как и все нормальные дети, пишущие в 7-8 лет, с газет «Пионерская правда», журналов «Пионер» и «Костёр». А потом уже, когда мне было 11 лет, вышла та самая публикация в «Комсомольской правде», которая и наделала достаточно много шума.

Дальше были публикации в газетах, в журналах, телевидение. В 11 лет у меня вышла первая книжка стихов, а когда мне исполнилось 15 лет, у меня уже вышло четыре книги. Но потом поменялась ситуация в стране, в менталитете...

Понимаете, ведь мы очень падки на какие-то яркие интересные сюжеты: дайте нам чего-нибудь вкусного, дайте нам чего-нибудь жареного, остренького такого... Меня и в 11 лет преподносили немного с неправильной стороны. При всём уважении к замечательной журналистке, написавшей эту статью, я должна сказать, что правды там было процентов на 15.

– Но ведь она же интервью напечатала, а не очерк. Она его просто написала по-своему?

– Порой достаточно сместить акценты, и уже и человек, и ситуация выглядят совсем иначе. Поэтому я могу сказать, что даже с точки зрения того, каким ребёнком я была и как писала, очень много домыслов ходило уже тогда. То есть неправильно меня позиционировали. И в той статье, и в других мушкетировалась такая странная тема, что я (говорит загобным голосом:) встаю среди но-о-очи, слышу какой-то там го-о-олос...

– На манер Ники Турбиной!

– Всё гораздо проще. Просто я, по сути своей, – сова, меня даже в детстве трудно было рано уложить спать. Ночью с постели в ночнушке я не вставала; просто я могла до 11 ночи делать уроки, а после этого начинала писать стихи. Родителей я просила помочь записать мои стихи только потому, что я достаточно быстро их сочиняла, а писала-то я, как и всякий ребёнок, медленно. А вовсе не потому, что это было странное такое зомбированное состояние.

Продолжение на стр. 2

Гость номера: Виктория Ветрова

Вика Ветрова

Газета «Комсомольская Правда» от 4 февраля 1990 года. Целую полосу в ней занял материал о феноменальных поэтических способностях Вики Ветровой, 1978 года рождения. Многие это помнят и до сих пор хранят вырезки стихов одиннадцатилетней Вики. А для тех, кто хотел бы перечитать те строки – уже двадцатилетней давности – мы помещаем небольшую подборку стихов юного тогда поэта.

* * *

Покатилось яблоко холодом
Да на берег, да в темный пруд.
Если жизнь кончается смолodu,
Ошибается божий суд.
Только ночь, только неба выстрелы,
Только солнце ромашкой беленькой...
Покатилось яблоко быстрее
В темный пруд, да по синему берегу...

* * *

Я прощаю тебя навсегда.
Это – правда, которую знаю.
Никогда не вернётся сюда
Недобитая белая стая.

Запах мокрой ненастной земли
Вперемешку с оранжевым дымом.
Мне так хочется быть нелюбимой,
Чтоб оставить меня не смогли!

* * *

Солнышко сочится апельсином,
Небо бесконечно и свежо.
От любви безвременной и сильной
На душе останется ожог.
Падают лучи, пересекаясь,
Светятся прозрачные следы.
Я сегодня в клетку попугаю
Позабуду выставить воды.
Заболею странною виною
Посредине правды или лжи,
И кому-то за своей спиной
Я отвечу голосом чужим.

* * *

Не плачьте по потерянным вещам,
А плачьте, если друга потеряли.
Пусть в жизни вам плохого не желали,
Не думайте, что не желают вам.

Не плачьте, если дом вам стал чужим,
А плачьте, если родственники чужды,
Когда непоправимо и недужно
Вам суждено повиноваться им.

Не плачьте, если кличут голоса,
А плачьте, если пения не слышишь,
И, кажется, ещё надеждой дышишь,
А жизнь прошла всего за полчаса.

* * *

Зажми в ладони лист осиновый,
Скажи волшебные слова,
И вспыхнет небо светло-синее
И золотистая трава.

Ступай босая и незрячая,
Угадывая первый шаг.
Всё нелюбимое – оплачено,
А всё любимое – за так.

* * *

Темно и сыро, как в пещере,
Ложатся мокрые снега,
И прорываются сквозь щели,
И укрываются в бегах.

А ветер, поседевший в горе,
Разбитый, старый великан,
Котеночком скребется в горле,
Как будто просит молока.

И в этой суетной мороке,
Перекрещенные дождем,
У храма сходятся пророки,
Как тени под моим окном.

* * *

Как долго путь, как долог,
Он кончится не скоро,
Где радостен и колок
Блестит в снежинках город.

Я мчусь туда, где небо
И солнце неродное,
Где так не пахнет хлебом
И мокрой мостовой.

Там так не любят сильно,
И так не бьют в набат,
Не плачут, как в России,
Когда идешь назад.

* * *

Думали – дьявол, водой окропили,
Думали – ангел, камням нет числа.
Думали – злая, ногами побили,
Думали – добрая, в доме зола.
Думали – смертная, яму копали,
Сила небесна, отняли покой,
Думали – враг, искалечили память,
Видят – воскресла, махнули рукой.

Виктория Николаевна Ветрова

Теперь она – поэт, писатель, режиссер, член Союза писателей России, автор 15 книг (10 книг стихов и 5 романов). Худрук альтернативной киностудии «Handmadefilms», режиссера фильмов «Синкопа одиночества», «Сумерки», «Нюансы». Продолжить знакомство с творчеством Виктории Николаевны Ветровой можно на сайте <http://pifiavictoria.livejournal.com/>

* * *

Невыносимый, призрачный герой,
Зачем я уезжаю за три моря,
Чтобы ловить ресницами узоры,
Чужого солнца на земле сырой?

Чтобы скучать безумно и навзрыд,
И, не умея плакать, биться в стекла,
Той бабочкой, что от дождя намочла
И никуда теперь не улетит.

Новые мужчины...

Новые мужчины носят шляпы
И стоят у окон, не дыша,
В них живут правители и папы
Дочерей, и в каждом есть душа.
В ком-то очерствела, неказиста,
В ком-то изуродована тьмой,
В ком-то, как у старого артиста –
Только дух, не сломленный войной.

Только сдвинув шляпы на затылок,
Запрокинув головы назад,
Средь окурков и пустых бутылок
Души их на небеса глядят,
Мнится им, что прямо до могилы,
Снятся им, до гробовой доски,
Будут они белы, легкокрылы,
И встают мужчины на носки,

Чтоб летать, забыв про Божью милость,
И не знать, как это получилось.

Дождливая лирика

Мне кажется, ты больше не скучаешь,
Не ждешь звонка и зол на целый свет
За прошлые тревоги и печали,
Которых без меня как будто нет.

И вроде без меня уже привычно
Лететь домой под вечер по шоссе,
Под темноту мелодии скрипичной
Не думать о любви моей совсем.

Но разве это правильно, ответь мне,
Когда разлуки вечность сочтена,
И ветер хлещет тяжеленной плетью
Сомнения, что тебе я не нужна,

Что ты не проезжаешь мимо дома,
И, не заметив свет в моем окне,
Не узнаешь тоску, что так знакома,
И с этих самых пор живет во мне.

Простые и лирические взгляды в пространство

Преодолев не низменность, но робость,
Шагнув с небес, с подножия голубой,
Я рано утром села на автобус
И ехала куда-то за тобой

В чужую тьму, где не дано скитаться,
В другие сны, где больно, как назло,
Где от твоей улыбки мерзнут пальцы,
И бабочки врезаются в стекло.

Но что там есть, без лишнего кокетства?
Прекрасный ужин и холодный пруд,
Где тонут очертания соседства
Моих стихов, что без тебя умрут.

Другу

Куда ты пропал? Огибая Вселенной
бурлящие воды?
Куда устремился во имя добра
и свободы?
И канул навеки в тугие
и звонкие страны...
Куда ты пропал, бороздя
тишины океаны?

И снова искрится печаль твоя
морем снежинок,
И эта разлука меж нами
лежит недвижимо,
И дождь вертикальный
стремится иголками с тела,
И ночь невесомо на заднем стекле
запотела.

Молитва

Не прячь, Господь, мою молитву,
Надломленную в бездне сна,
Печали золотую бритву
Вонзив в любовь мою сполна,

Позволь мне больше не стремиться
К недостижимым богам,
Открой свои святые лица
Моим утраченным снегам

И сделай так, пусть он не плачет,
Пусть свет в душе его поет,
Чтоб мир обрел печальный мальчик,
Что в сердце врезался мое.

Кое-что о журналистской шумихе и вундеркиндах

Продолжение. Начало на стр. 1

Находилась я абсолютно в здравом уме и трезвой памяти, и очень хорошо понимала, что я делаю. Я вообще всегда осознанно писала и пишу стихи. Просто люди любят шумиху, любят сенсации. Им что интересно? Интересно подать ребёнка с позиции вундеркинда, что вот он такой необычный человек, пишет, а потом... Что-то же надо придумать ещё, да? А что придумать? У нас стереотип такой, что вундеркинд должен обязательно своё существование закончить со вступлением в совершеннолетие. И потом мы говорим: «Вот, он в детстве был такой-то, а потом превратился в среднестатистического человека». А ещё очень желательна какая-нибудь трагическая судьба.

В моей ситуации это всё было ожидаемо, этого всем хотелось. Потому что была художница Надя Рушева, умершая в 17 лет; потому что была Ника Турбина, у которой была очень трагическая судьба; потому что был Серёжа Парамонов, певший в хоре. Это – тема юных вундеркиндов, которые либо не вписались в суровую реальность, либо их не вписали.

Итак, мне исполнилось 15 лет. Со мной-то, как раз ничего не случилось. Просто у нас поменялась страна, поменялся менталитет, и поменялась политика изданий: перестали печатать стихи в газетах. Издания стали либо очень политизированы, либо ушли в безумную, бездуховную развлекательность.

А я как раз закончила школу. И тут моему папе подворачивается возможность поработать в Швеции – и в 15 лет я поступила в Стокгольмский университет на факультет киноведения. Проучившись там 4 года, я решила вернуться обратно. Но, конечно, когда я вернулась в Россию, помимо того, что здесь произошли такие изменения, и к стихам вообще народ очень сильно потерял интерес... Точнее, не то, чтобы потерял интерес – ему это, отчасти, было навязано: некое такое «попсово-развлекательное» восприятие действительности. Почему сейчас процветают все эти «Стихи.ру»? Да потому, что негде больше стихов почитать!

Когда я вернулась... Не то, чтобы обо мне совсем забыли, но меня потеряли из виду. И я представляла чётко, что мне придётся начинать всё сначала. И когда я пошла по издательствам, по журналам, по газетам, то мне пришлось заново объяснять, кто я. И постепенно я вернулась на свои позиции: в возрасте 19-20 лет я снова вошла в литературу, уже взрослым поэтом, а не девочкой-вундеркиндом. И это было сделать гораздо сложнее, потому что к взрослому поэту совершенно другие требования. Ты встречаешь уже такой хитрый трипур: «А что же ты нам теперь покажешь, когда тебе 20?»

Но, тем не менее, в какой-то момент мне удалось переломить этот скептицизм, что вундеркинд ничего не может сделать, когда он подрастёт. В 18 лет, ненадолго приехав в Москву, я вступила в Союз писателей. В 19 лет, вернувшись

в Россию, я создала свой телевизионный проект и пришла с ним на телеканал ТВЦ. С 1997 по 1999 год выходила в эфир моя авторская программа «Свеча на ветру», в которой я делала небольшие сюжеты, посвящённые современным поэтам.

Итак, молоденькой девочкой, в 20 лет, я пришла на канал, и уже через 2 года я была руководителем проекта... Попутно уже здесь, в Москве, я поступила на курсы сценаристов-режиссёров Александра Митты и, отучившись там два года, вышла с дипломом «Режиссёр кино и телевидения». Собственно то, чего я всю жизнь и хотела.

Так что в течение этих 20 лет я никуда не «девалась». И я бы сказала, что за это время я сделала больше, чем за период своего детства, судя по результатам: по книгам, которые увидели свет, по моим передачам... Просто внимание людей рассредоточилось, и акцент сместился. Ведь люди, в основном, видят то, что они хотят видеть, слышат то, что хотят слышать. И информация обо мне, в общем потоке, конечно же, тонет.

– Вы производите впечатление искристого, солнечного человека. И сейчас поэзия у Вас не такая грустная. А вот детские Ваши стихи – очень горькие. Откуда это?

– Я не могу сказать, что я – «искристый, солнечный человек», я бываю и очень грустной. Просто у меня девиз в жизни, как у брежневских музыкантов: «Мы своё призвание не забудем. Смех и радость мы приносим людям».

Что касается детских стихов. Я просто рано... не «повзрослела», а как-то не по-детски «поумнела», и козни мира предстали мне в явных картинах, и всё это мне казалось очень печальным.

А стихи, может быть, сейчас не такие, потому что, когда мне стукнуло 30 лет, пришлось осознание того, что я живу завтрашним днём. Я постоянно двигаюсь к какой-то цели – и в этот момент не успеваю жить. Я бегу и, что самое сильное, меня преследует чувство неудовлетворённости, потому что хотелось добиться большего. И я поняла, что я хочу не только стремиться, – я хочу жить. Варить борщ, выносить помойное ведро, лежать на даче в гамаке... Жить хочу, существовать хочу, понимаете?

И я поняла, что надо радоваться тому, что у тебя есть сейчас. Всего этого могло бы и не быть: вот у меня есть, а у Ники Турбиной – нет, потому что нет её самой.

– Виктория, когда Вы себя ощущали человеком более счастливым: в период с 11 по 15 лет или сейчас?

– Я никогда не отвечаю на вопросы о счастье, поскольку счастье – это очень эфемерная конструкция. Счастье – это мгновение. Жизнь – интересная штука, и пять минут назад ты чувствовал себя абсолютно избитым, растерянным и растерзанным, через час что-то поменялось, и ты – на пике счастья. Как это объяснить? Жизнь – это колесо.

Беседа велa Наталья КРОФТС

Сорок пять и пять: многая лета!

В начале девяностых в Ставрополе, проходящем по разряду провинциальных городов, выходил отнюдь не провинциальный ежемесячник «45-я параллель», совокупный тираж которого – вы не поверите! – составлял 200 тысяч экземпляров. Издание распространялось по всей территории бывшего Союза и ряда сопредельных (и даже дальних!) стран. Потом, как большинство свободных изданий, «Параллель» приказала долго жить, но, к счастью, возродилась уже в виде интернет-проекта.

Итак, пять лет назад, 21 июня 2006 года, своё место в виртуальном пространстве «застолбил» первый выпуск альманаха «45-я параллель» // 45parallel.net. Выходит он три раза в месяц: 1-го, 11-го и 21-го числа. Впечатляет вот какая фактура: если в далёком уже июле-2006 альманах посещало 20-25 человек в день, то в июле-2011 его ежедневно читали от 750 до 1000 человек. Более 500 авторов из разных стран, включая Украину, Францию, Германию, США, Канаду и даже Австралию, откликнулись на призыв «45-й»: «Ау, поэты, со всего света!».

Правда, за призывом тут же следует уточнение-предостережение: «Поэтам – да, графоманам – нет!». Наверное, поэтому качество большинства стихов, опубликованных в поэтической рубрике «Четвёртое измерение», столь высоко.

Но в альманахе печатают не только стихи. В замечательной рубрике «Вольтеровское кресло» участники проекта-45, чьи пути-дороги пересекались с поэтами, при жизни ставшими классиками, готовят эссе на основе бесед (переписки, виртуальных контактов!) с ними. А кто-то рассказывает о необычной истории, связанной даже не со встречей, а с удивительным стихотворением, повлиявшем на судьбу... Из названия рубрики следует: чаще всего речь идёт о героях, которые вплотную приблизились к вольтеровскому возрасту или перешагнули этот рубеж. Не обходится и без элегической грусти, ибо нередко авторы вспоминают о замечательных поэтах, увы, ушедших в иное измерение... К своим впечатлениям составители раздела «Вольтеровское кресло» прилагают по паре десятков лучших, по их мнению, произведений каждого из наших ещё современников, но уже – классиков.

Рубрика «Из первых рук» рассказывает об интересных событиях литературного мира, здесь же находят место эссе и новеллы, так или иначе связанные с рифмами.

В рубрике «Золотое сечение» публикуются тексты авторов Юга России и поэтические переводы; а для тех, кто любит посостязаться, есть раздел «Конкурсы-45». С помощью читателей альманаха ведётся ещё одна рубрика – «Антология-45», где можно встретить строки от допушкинских времён до... завтрашнего дня!

Конечно, альманах невозможно представить без его создателя Сергея Сутулова-Катеринича. Но ведь ему, подчёркивает главред, активно и бескорыстно помогают соратники, входящие в редколлегию: ныне в её составе 15 человек, обитающих в шести странах мира. Многие из них – известные поэты и литераторы, среди которых Виталий Амурский (Париж, Франция), Ирина Аргутина (Челябинск, Россия), Юрий Беликов (Пермь – Москва, Россия), Юлия Драбкина (Петах-Тиква, Израиль), Георгий Жердев (Санкт-Петербург, Россия), Вера Зубарева (Филадельфия, США), Вячеслав Любачёв (Москва, Россия), Владимир Монахов (Братск, Россия), Нина Огнева (Ростов-на-Дону, Россия), Эсмира Травина (Харьков, Украина), Георгий Яропольский (Нальчик, Россия). Кроме того, многие мастера слова, предпочитая «оставаться за кадром», дружески помогают редакции. С первого дня проект реализуют в Сети веб-мастер Александр Шапошников и дизайнер Татьяна Литвинова, живущие в Ставрополе...

Когда мы готовили подборку, знакомящую читателей «Интеллигента» с альманахом «45-я параллель», Сергей С-К предложил: а давайте применим формулу – «9 авторов x 5 стихотворений = 45!». «Отлично!» – воскликнули в «Интеллигенте».

Итак, мы представляем вам «первых ласточек» «45-й» и ждём новых встреч, формул и открытий. А пока «Интеллигент» присоединяется к поздравлениям в адрес проекта и его создателей!

Геннадий Хазанов, Наталья Крофтс

Поздравляю интернет-журнал «45-я параллель» с первым настоящим юбилеем. В наше бурное время пять лет для литературного журнала – возраст зрелости. Виртуальный мир диктует свои условия и претензии, поэтому смельчакам, отважившимся делать такой журнал, нужно обладать, помимо энтузиазма и художественного вкуса, изрядными бойцовскими качествами.

Редакция «45-й параллели» доказала, что эти качества ей в полной мере присущи, – журнал завоевал устойчивый авторитет в литературном сообществе. О нём говорят и пишут, он постоянно продуцирует новые проекты, организует литпроцесс, открывает новые имена, будит мысль и поддерживает творческие дерзания. Огромное спасибо ему за это. И – многая лета!!!

Марина САВВИНЫХ
главный редактор литературного журнала «День и ночь»

Искренне и с глубоким уважением смею утверждать, что сайт «45-я параллель» – один из лучших литературных сайтов в интернет-пространстве. Интеллигентный, доброжелательный, непредвзятый, компетентный – всё это о сайте «45-я параллель», который показывает образец уважительного отношения к современным авторам и литературной классике.

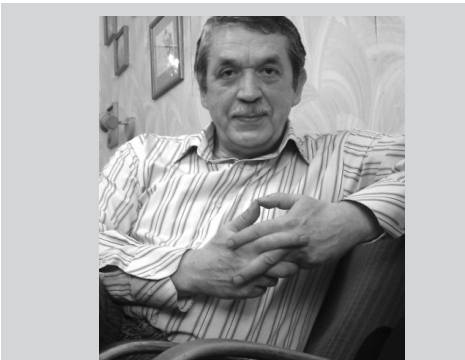
Владимир Спектор
главный редактор альманаха и сайта «Свой вариант»

Интернет-портал «45 параллель» – знаковое и характерное явление культурной жизни русскоязычных людей.

Фактически один человек (поэт и редактор Сергей Сутулов-Катеринич) выполняет роль государства, печатая поэтов со всего мира...

Сейчас поэтам (Поэтам!) тяжело. Они по-прежнему не востребованы. И если бы не было таких своеобразных альманахов, как «45-я параллель», таких редакторов-подвижников, как Сергей Сутулов-Катеринич, дело было бы совсем ивах. Но такие редакторы, слава Богу, есть. А значит, жизнь продолжается. Спасибо.

Евгений Степанов
президент Союза писателей XXI века,
главный редактор журналов «Дети Ра», «Зинзивер»,
генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг»

Сергей Сутулов-Катеринич

Главный редактор альманаха «45-я параллель», член Союза писателей XXI века и Союза российских писателей. Родился 10 мая 1952 года в Северном Казахстане. Окончил Ставропольский государственный педагогический институт и Всесоюзный государственный институт кинематографии. Автор ряда поэтических сборников и многочисленных публикаций в периодике. Живёт и работает на Северном Кавказе.

* * *

**Страна классического реализма,
страна космического героизма,
страна хронического пофигизма –**

при трёх шестёрках, двух тузах...

**«Вперёд, к победе коммунизма!» –
«Даёшь зарю капитализма!» –
всё те же рожи жрут Отчизну...**

всё те же слёзы в образах...

роман о Романе S

**...конечно: ты читала чудака.
(Чертяку растащили на цитаты!)
Коньяк предпочитает под цукаты.
– Поэты, – подмечает, – неженаты,
Бесспорно, до и... после сорока.**

**...понятно: ты влюбилась в дурака!
Дурак чудил, кудлатый и поддатый,
Чудак дурил, воруя киловатты,
Строчил роман (сюжет витиеватый!)
О правнуке шофёра из ЦК.**

**...однако: ты забыла старика.
Чудак, дурак, старик Скоробогатый –
Седьмой десяток, словно вал девятый.
(Седьмой... восьмой...
девятый – виноватый!)
Тебе под сорок – пропасть велика.**

**...конечно: ты почтила чудака.
Роман. Стокгольм. Роман Скоробогатый...
(– Сынок, старик слегка придурковатый.
Чертяка угодил в лауреаты!
Он – твой отец: анализ ДНК...)**

* * *

Нине Огневой

**Никого не пропишешь
на асфальте, афише...
Шишел-мышел под крышей
шебуршит от души.
Тише, мыши! Всевышний шепчет
звёздные вирши.
Зреют зимние вишни
и шуршат камыши.
Никому не припишешь:
Шеврикука... Камышин...
Под Кыштымом – парижи,
под Парижем – Кижы.
Плач иртышского Гриши
близ Житомира слышен.
Над РИИЖТом – всё ниже! –
барражирует «жи».**

**Ничего не попишешь –
для сравнения выше!
Кришна крестиком вышит:
над башкой – малыши.
Это – ангелы... Ишь ты:
миражами кишмиши.
Смерть смешнее мартышки.
Жизнь короче, чем «ши»...**

Любовь – эпиграф? эпилог?

**Пора признаться, не покаявшись,
В любви, которой след простыл...
Покурим, милая, на камушках:
Нева ворчит – шалят мосты.
Река ночными машет крыльями,
Как чудо-юдо-птица-кит...
Сто лет назад недооткрыли мы
Ни антарктид, ни атлантид.
Недосмеялись, недоплакали:
Тебе – Парнас, а мне – Кавказ...
Судьба, запугивая плахами,
Дворцы творила напоказ.
Фантомы песен изувеченных,
Прозрачных чувств и фраз простых...
Прикурим, милая, у Вечности:
Нева вот-вот простит мосты.
...Из-под обложки ветхой Библии –
Листок... – эпиграф? эпилог?
«Ах, как друг друга не любили мы...
Ах, как любили мы, мой Бог!»**

...человек – через смех! – Человек

**Много шумных племён.
Мало умных имён.
На погосте грустит Алконост.
Диссонансы знамён.
Ассонансы времён.
Роберт Фрост – Юрий Рост
в полный рост?!**

**От батрацких потрав
до кабацких забав –
Календарь легендарных калек.
И Небогов неправ, и Набоков неправ.
...человек – через век! – Человек.**

**Полусон... Полустон...
Гениальный Ньютон
Сомневался в началах «Начал».
Обертона дин-дон:
рыцарь Ньютон, пардон,
На Монетном дворе заскучал.**

**Полузвуков клубок. Полубукв полубог
Окольцует крылатых коллег.
Новгородский лубок:
на доске – голубок.
...человек – через грех! – Человек.**

**От нью-йоркских трущоб
до московских хрущоб –
Петербургский размах –
в сундуках?!
У Кашея ещё тыща жлобских чашоб.
Баобабом – набоб в облаках.**

**Много дивных девиц.
Мало девичьих лиц.
Роберт Фрост – Алконосту:
«Come back!»
Над цинизмом столиц Юрист Рост –
вспышкой блиц:
...человек – через смех! – Человек.**

45-я параллель

Нина Огнева

Член Союза российских писателей. Поэт, прозаик, публицист, популяризатор. Автор и куратор некоммерческого издательского проекта «32 полосы». Член редакционной альманаха «45-я параллель». Живёт в Ростове-на-Дону.

* * *

Никого нет. Только стол, стул.
Да строфы кнехт. Да строки гул.
Да волны прядь, да балласт — в пуд.
Да торчком — в пядь — маяка уд.

Никого — вкрест, никого — вдоль.
Под стопой треск, под рукой — боль.
Только склеп скул, да кивок вслед.
Только стол, стул. Никого нет.

* * *

— «Виноградники в Арле...»
— Вы, кажется, что-то сказали?
Виноградники. Зноем
бестрепетным залит ландшафт.
Беспокойная скрипка.
Провинция, ночь на вокзале.
Красноцветный «Токай»
предлагается на брудершафт:
— Поздно каяться, брат.
— Не ко времени слёзы, сестрица.
Нам ли нынче вотще
предаваться бесплодной тоске?
На хмельном оселке
потускневшая память вострится:
виноградинки. Мерно
качаются на волоске
полновесные грозди.
Молитвенно спины согбенны.
— «Виноградники? Вот как?!...»
Сомненья томительный зной.
От хмельного зрачка —
не по-здешнему — отблеск эбеновый;
недоверчивой скрипки
меж рук — силуэт вырезной.
В стекленеющем плеске
объятая пурпуром пена:
озаряет ландшафт
предзакатная пропасть огня.
— «Лог... Борково... Курешня...» —
диспетчер не слышит Шопена,
топонимией местной
синхронно с гудками звеня.
— «Виноградники? В Арле?»
Ваятель не видит отвеса,
развернувшего угол
незыблемой этой оси.
В перестуках поупитров
звучит погребальная месса,
и зрачок семафора
во тьму закулисья косит:
устремляются рельсы
в бездонную гулкую пропасть.
«Ви-но-градники!» — зноем
бушующим плещет аншлаг.
Близорукая скрипка
выводит постыльную пропись.
Вдоль просмоленных шпал —
остывающий топочный шлак.

* * *

В тот горький час,
когда пойдёт не в масть
краплёных дней чреда, и ливни линий
захлещут тропы строк, и вкус полыни
тоской ожжёт небес пустую пасть,
я обернусь к простору гулкой сини,
моя гортань надеждой зазвенит
и выплеснет в расплавленный зенит
нетленный глас
поющего в пустыне.
И задрожит, как листья на осине,
чертогов Мглы заоблачный гранит.

* * *

Уже не так вольготна и мощна
мыслительного мускула напруга;
строк незаёмных верная подруга —
стремглав ветшает памяти мощна;
уже не то мерещится во сне,
не в лад и невпопад трепещет сердце:
круша иллюзии, стрекочут мегагерцы,
снующие по кабельной струне;
скудеют алгоритмы стройных рифм,
в угоду арифметике участия
(к тому и в том) иссякли в одночасье
колодезь грёз, ключ тем,
лишь тайный гриф,
тщась ведовством и близостью родства
с собранием сочинений, неподвластных
законам ритмики
и сочетаньям гласных, —
животочит и каплет. Чёрта с два:
в тоннельном искривленье пищевода,
взъярённого глотком пустых утех,
страшна и суетна как смертный грех
пугающе пульсирует свобода —
бессрочный движитель
размеренностей тех,
из коих состоят и песнь, и ода.

Сколь пульсовых толчков ни торопи я,
Лень — мамка Хаоса,
да тётка-Энтропия
в прах утопляют чуткое стило.
В потугах выплеснуть строку —
гортань свело
от сих до сих. Здесь психотерапии
адепт склоняет светлое чело —
«Депрессия!». И сетует зело:
«Ваш скорбный труд —
бесплодная забава:
здесь правят суд Гордея да Любава,
гешефт кодирует величественный Бах,
срамной анестезии миги кратки!...»

И мечутся, как леший в лихорадке,
покойники в отеческих гробах.

* * *

Окончен текст, и лист исписан,
на взвод — упругий смерч строки
(в окне, подобьем фронтисписа,
цветной офорт Анри Матисса —
карминных свитков кувьрки).

Закат меж рам взъярится ало,
кроя из строк тропы меандр
(яд не вредит змее ни мало,
как градус высшего накала —
нетленным корчам саламандр).

Звенит абзац пружиныю спуска,
в височном хрусте брезжит кадр:
мрак нипочём пучку корпускул,
разящих влёт сердечный мускул,
как жгучий яд миндальных ядер.

Обуздан знак, подвластна касса
картонных букв — литью слогов.
Финал Пегаса — старт фугаса
туда, где вязнет кисть Пикассо,
сминая холст пространства в гофр.

Рассвет-кунак лудит обою,
на бронзу литер льёт припой:
«Се — персонаж Caprichos Гойи,
раба и рупор Божьей боли,
и жертва пагубы слепой».

Исписан лист. В графе «оценка» —
карминной вшой ярится «уд».
Палитра вещего Винченца
вращенья скоростью близ центра
благословит мой скорбный труд.

Фронтиспис (от фр. frontispice): рисунок, помещаемый перед первой страницей книги или сверху страницы, на которой начинается глава.

«Офорт» (от фр. eau-forte - азотная кислота): вид гравюры.

«Корпускула»: очень малая частица материи (в классической физике).

«Припой»: металл или сплав, применяемый для соединения металлических деталей, изделий пайкой.

Игорь Царёв

Родился на Дальнем Востоке на границе с Китаем. Образование (высшее техническое) получил в городе Ленинграде. Несколько лет проработал на космос — инженером-конструктором в одном из московских «ящиков». Сменил профессию...

Сейчас — журналист, член Союза журналистов Москвы, член Союза писателей РФ.

Дачное

Вот и Брыковы горы, и лета макушка,
И суббота идёт заведённым порядком:
В холодильнике «Орск»
дозревает чекушка,
Набирается солнца закуска по грядкам...
И цикады выводят своё пиццикато,
И погода — куда там в ином Намангане! —
И, бока подставляя под кетчуп заката,
Ароматом исходит шашлык на мангале...
Старый кот на плече,

верный пёс у колена,
Я — беспечный герой золотой середины,
И смотрю свысока,
как по краю вселенной
С одуванчиков ветер сдувает седины.

Снежное

Мы и ухари, мы и печальники,
Разнолики в гульбе и борьбе.
Как тряпичные куклы на чайнике,
Каждый — столоначальник себе.
Всякий раз по державной распутице
Выходя свою самость пасти,
Ждём, что ангелы всё-таки спустятся
От ненастных напастей спасти.

Ни фен-шуй, ни шаманские фенечки
Не защита от ночи лихой.
Осень лузгает души, как семечки,
И нахально сорит шелухой.
Обретаясь у края безбрежного,
Сам себе я успел надоесть:
Ты прости меня, Господи, грешного,
Если знаешь, вообще, что я есть!

Безответный вопрос закавыкою
Око выколет из темноты:
Если всякому Якову «выкаю»,
Почему со Всевышним «на ты»?
Сверху падают снега горошины,
Снисходительно бьют по плечу,
И стою я во тьме огорошенный,
И фонариком в небо свечу.

Накануне

Июнь сегодня вверх тормашками
И по-особому чудит:
То желтоглазыми ромашками
Под юбки девичьи глядит,
То ластится, как будто дразнится,
Щеки касается щекой...
Ему, зелёному, без разницы —
И день какой, и год какой.
Короткий дождь мешая с глиною,

Линует воздух голубой,
Гоняет пару журавлиную
Над восклицательной трубой
И пьёт из теплых луж, не брезгуя,
Закат на тысячу персон...
А в небе тени ходят резкие,
И рыжие дворянги брестские
Последний мирный видят сон.

Бродяга и Бродский

Вида серого, мятого и неброского,
Проходя вагоны походкой шаткою,
Попрошайка шпарит
на память Бродского,
Утирая губы дырявой шапкою.

В нём стихов, наверное, тонны, залежи,
Да, ему студентов учить бы
в Принстоне!

Но мажором станешь
не при вокзале же,
Не отчалишь в Принстон
от этой пристани.

Бог послал за день только
хвостик ливерной,
И в глаза тоску вперемешку
с немочью...
Свой карман ему на ладони вывернув,
Я нашёл всего-то с червонец мелочью.

Он с утра, конечно же,
принял лишнего,
И небрит, и профиля не медального...
Возлюби, попробуй, такого ближнего,
И пойми, пожалуй, такого дальнего!

Вот идёт он, пьяненький,
в лысом валенке,
Намешав ерша, словно ртути к олову,
Но, при всём при том,
не такой и маленький,
Если целый мир уместился в голову.

Электричка мчится, качая креслица,
Контролёры лают, но не кусаются,
И вослед бродяге старухи крестятся:
Ты гляди, он пола-то не касается!..

Колыма

...И не птица, а любит
парить по утрам,
Поддаваясь для вида
крамольным ветрам,
С горьким именем, въевшимся
крепче клейма,
Через годы и судьбы течёт Колыма.
И служивый хозяин тугих портупей,
И упрямый репей из ногайских степей
Навсегда принимали её непокой,
Рассыпаясь по берегу костной мукой.
Но сегодня чужая беда ни при чём,
Я приехал сюда со своим палачом,
Ощутить неподъёмную тяжесть сумы
Под надёжным конвоем самой Колымы,
И вдохнуть леденящий

колымский парок,
И по капле безумный её говорок
Принимать, как настойку
на ста языках

Из последних молитв
и проклятий зека...
В этом яростном космосе языковом
Страшно даже подумать: «А я за кого?»
Можно только смотреть,
как течёт Колыма,
И, трезвея, сходить вместе
с нею с ума.

Виталий Амурский

Родился в Москве, в 1944 году. С 1973 года живёт во Франции. Профессиональный журналист и литератор. Автор 9 книг и многочисленных публикаций в различных журналах, альманахах, сборниках. Член редколлегии альманаха «45-я параллель».

Легенда

Бармы и Постника маковки
Взвились в небо Московии.
Праздник, да только аховый.
Мёд золотой с оскоминой.

Вспыхнули славной сказкой
Краски такие сочные,
Только по воле царской
Ослеплены зодчие...

Правды ли больше, вымысла
В прошлом, где всё не свято,
Ты ведь и больше вынесла,
Русь моя — сердце смятое.

Гагарин

Спорят Гжатск и деревня Клушино,
Кто из них был ему колыбелью,
А я помню столицу с лужами
И апрельской её капелью.

Первых гроз веселящий грохот —
Тех, что небо радостно шлёт нам,
И портрет на листовках крохотных
Парня этого в шлеме лётном.

Там взлетала душа как птица
И гордилась силой стальной!..
Было чем нам тогда гордиться.
Про него я, не про остальное.

12 апреля 2011

Капризная весна. Накапывает дождь.
Огни машин и пешеходы редки.
С афиши мокрой пролетарский вождь
Помахивает мне помятой кепкой.

Безденежье и мыслей мутный спектр.
То оттепель, то новые морозы...
Арбат — на слом, Калининский проспект
Цэковские уютжат членовозы.

Мне двадцать лет. Ещё или уже.
Но к косяку минувшего притулясь,
Я словно слышу в птичьём галдеже,
Как где-то там проходит моя юность.

«Членовозы» — ироничное название автома-
шин ЗИЛ, на которых ездили члены Политбю-
ро и ЦК. (Ред.)

Фатьянов в Париже

А. Булатову

Соловьи, соловьи...
C'est la vie,
C'est la vie...

Утрата

Памяти Леонида Райка,
друга московской юности,
мастера спорта по регби,
игравшего в команде «Фили».

Молчания, прощаясь, не нарушу.
Всё сказано уже, наверняка,
И душу выворачивать наружу
Не стану я парижским сквознякам.

Лишь об одном посетовать могу я,
Что не услышишь, не увидишь ты,
Как на Монмартре голуби воркуют
И горбятся над Сеною мосты.

Умом приемлю. Только вот, смириться
Сознание не может всё равно,
Что никогда для нас не заискрится
Бордосское весёлое вино.

Друзей всё меньше, письма тоже редки.
Луну б тебе для встречи я припас —
Пускай она круглей, чем мяч для регби,
Ты выдал бы и с ней прекрасный пас.

Увы, на поле в чемпионской майке
Не выйдешь ты, как чёрт и Аполлон...
И что мне этих туч закатных маки,
И Нотр-Дам, что солнцем опалён!

Но сквозь листву, светящуюся воском,
Мне чудится твой голос, как живой,
На Маяковке,
в парке ли Филёвском —
Такой неповторимый, Боже мой.

Георгий Яропольский

Родился в 1958-м. Автор нескольких
стихотворных сборников и двух десятков
переводов современных англоязычных ро-
манов. Состоит в СП России. Член редкол-
легии альманаха «45-я параллель». Живёт
в Нальчике.

Когда смыкается печаль
над выщербленным суесловьем,
то переход к иным речам
природой ночи обусловлен.

Он обусловлен тишиной,
дождём, распластанным по крышам,
и очень внятной виной,
чей голос в гомоне чуть слышим.

Тогда являются слова
о том, что якобы забыто,
и — распрямляется трава
из-под глумливого копыта!

Разъятые на «я» и «ты»,
мы искренности не стыдимся —
так разведённые мосты
томит желание единства.

Мосты, естественно, сведут.
Сомкнётся линия трамвая.
Загомонит весёлый люд,
друг дружке медь передавая.

Пустое место

В уверенной хозяйской позе,
как Ряба на родном насесте,
сидит ворона на берёзе:
берёзе — шесть, вороне — двести.

Да только в вечности масштабах
их возрасты неразличимы:
чуть-чуть покаркаешь — и набок,
пошелестишь — и нет дивчины.

О грозных звёздах стих слагая,
ars brevis*, — мыслишь поневоле,
но их не ждёт судьба другая:
не век пастись им на приколе.

«Всё чёрные поглотят дыры,
всё сгинет скоро в пасти мрака...»
Не вой, собака! Звуком лиры
я присмирю тебя, собака.

Того и время не зарежет,
что неподвластно спешки блуду;
пустое место всё содержит,
«нигде» равняется «повсюду».

*«искусство быстротечно» (лат., [ars brēvis]):
переделанное латинское высказывание «ars
longa, vita brevis» — «искусство долговечно, а
жизнь коротка».

Хрустальный шар

Шар хрустальный — вот всё,
что я помню о нём.
Он был небом завещан.
Опусти его в тигель, испробуй огнём —
ни царапин, ни трещин.

Шар я помню, в котором текли облака
с невесомым сияньем,
но с годами — упорно твердит мне
строка —
я расстался с тем знаньем.

Невзирая на то, что так скоро умру,
что забвеньё — химера,
я мотался, как ржавая жесть на ветру,
и летал, как фанера.

Где хрустальный мой шар?
Хоть шаром покати —
ни числа, ни излучин.
Ветер жухлые листья прогнал по пути,
что до скуки изучен.

Всё равно! всё равно! —
бьётся пульсом в висках.
Это было недаром.
Шар хрустальный
в моих согревался руках.
Я владел этим шаром.

Дым

Все заплутали: нет ни оград, ни вех.
Бах ли поможет или подскажет Блок?
Сизые нити дыма струятся вверх,
сизые нити дыма вдыхает Бог.

Впрочем, навряд ли:
всё поросло быльём.
Нет нам ответа, смутен нам Божий лик.
Блэккое небо пялится вниз бельмом,
ангелы скрылись, всяк прикусил язык.

Бог позабыл ли с нами Своё родство?
Равен эпохе каждый протяжный вздох.
Можно ли рушить зыбкое статус-кво,
если застряли мы посреди эпох?

«Явственно только чувство —
не здесь, не так», —
строчка сложилась — в прошлом,
с чего невесть.
Зло прорастает, ровно какой сорняк,
и не изводит —
множит мерзавцев месть.

Как раскурочить цепь, что сковали нам?
Станет ли время —
без дураков — иным?
Верится: ждёт нас обетованный храм,
зренье вот только застит
прогорклый дым.

Дурная привычка

Дурная привычка: при свете
над ворохом книг засыпать.
Пусть яркие полости эти
заполнятся дёгтем опять.

Коль примесью мёда (you promise!)
пахнёт из клубящихся лет —
смолчу, с головою укроюсь:
всё сходит — и с рук, и на нет.

Что будет — прибавка ли, вычет, —
когда перережется нить?
Дурнее всех прочих привычек —
привычка настырная жить.

Ирина Аргутина

Родилась в 1963-м. Окончила Челя-
бинский государственный университет по
специальности «Химия». Автор 6 книг и
многочисленных публикаций в российских
и зарубежных журналах, альманахах, лите-
ратурных изданиях. Член Союза писателей
России. Член редколлегии альманаха «45-я
параллель». Работает инженером, живёт в
Челябинске.

Октябрьское позднее

Краткий реликтовый луч,
милосердный, как лепет
о состраданье к любой
народившейся твари,
вышел — и сгинул.
И снова горбатого лепят
ветер и дождь —
из прохожего на тротуаре.
Он, одинокий, как праведник,
чёрный, как ворон,
не исчезает во чреве
бензиновоядных,
стеклобетонных
и прочих примимных, но ворот
поднят, лица не видать,
устремленья не явны.

Что ж его тянет и клонит —
под ветром восточным,
редким казахским пришестьем,
враскос моросящим?
Что его гонит, как чёрную шепку,
по сточным
и водосточным клоакам? —
а впрочем, грозящим
разве что насморком.
Что ж его носит, как парус?
Что ж позади, в ста шагах —
и ни больше, ни меньше —
кто-то шагает за ним,
неуклонно, как старость,
неграциозной походкой
выносливых женщин?

Шляпа моя. И пальто
из такого же твида.
Ёжится так же.
Ну, хоть бы походка другая!
И никого впереди
на сто метров не видно.
А позади — неуклонно шагает...
Шагает.

Озноб осеннего дождя
рождает горечь листопада.
Над мокрой площадью
вождя
ведет заоблачное стадо

к заморским пастбищам.
Они
пройдут воздушным коридором.
О, местный боже,
сохрани
меня бездушным валидолом

на этой,
вымокшей в слезах
земле под коркой каменистой,
ломтём пока не отрезай,
ещё не снег...
ещё не выстрел...

Листва с повадками мышей
лениво бегала от ветра.
И стало легче на душе.
И удалось пройти два метра

по улицам и площадям,
по проводам и эстакадам
сквозь дрожь осеннего дождя,
промокшего под листопадом...

45-я параллель

* * *

О как легко и не сердито
весной, в шумливый день базарный,
в ловушку форточки открытой
влетает ветер лучезарный!

В моём кубическом бедламе
ему уже не отвертеться.
Взбодрив обросшее годами
неповоротливое сердце,

холодным стуком кастаньеты
он разбивается о люстру,
и злая дрожь стекла и света
родит биение предчувствий,

не узнаваемых до срока,
не изрекаемых словесно, —
блаженна истинных пророков
всвременная неуместность! —

И мир безжалостно нанизан
на пыльный луч, как на иголку...
А солнце бродит по карнизу
и примеряет треуголку.

Октябрь

Молочный воздух стелется, зыбуч —
с овчинку небо и земля с коврижку,
и жмёт слезу из поседевших туч
пустых полей детдомовская стрижка.

О, кто
не умирает в октябре!
Не навсегда — до следующего раза,
до льдистой вспышки света на ребре
октаэдром застывшего алмаза...

Октава,
завершаясь нервным «си»,
лишает очевидности исхода:
не жди, не верь, не бойся, не проси —
у ангела нелётная погода;

ему сплошная облачность претит —
молочный воздух
нынче непроезжий.
И лишь слеза из тучи долетит,
чтоб утонуть
в кисельном побережье.

* * *

По проспекту прямо, потом сворачивая
на какую-нибудь

улицу Артиллерийскую...
Прогулка, в общем-то, незадачливая:
осень теряет листья, голова — мысли.
Можно повстречать соседей по дому,
коллег, пришельцев западных

и восточных,
южных и северных, знакомых
и незнакомых,
всех — до одного,

что абсолютно точно.
Может быть светлая куртка,
такая же или похожа.
Могут быть астры, последние
перед снегами.

Семья из трёх человек — чужая.
Мороз по коже
и на минуту нехорошо с ногами.
Можно сменить район

или даже город,
но зачем? И дело не в том,
что менять непросто,
а, скорее, в том,

кто неизбывно дорог,
даже если невероятен
на земных перекрестках.
А тому назад сознавали: боже мой! —
днём и ночью, с закрытыми

и открытыми,
голосом и телом, дыханьем, ощупью,
не гнева судьбу,

раз уж такие дары даны.
Говорили о новостях,
стихах и далёких датах,
о детских проказах, о том,
что яблоки сварят в сиропе,

и — со знанием дела —
о сырьевых придатках
и воспалении их по всей Азии.
Слушали Паваротти,
прислушивались к Синатре,
уступали друг другу —

добровольно и с песней.
Теперь один владеет землёй,
три на три,
упокоившись на Успенском,
а его тень, обременённая плотью,
бродит по именованным улицам

и проспектам,
мается под Синатру,
плачет под Паваротти
и почти жалеет о том,
что любовь бессмертна...

Юрий Беликов

Родился в 1958 году в городе Чусовом. «Махатма российских поэтов» (Гран-при на Первом всесоюзном фестивале поэтических искусств «Цветущий посох» — Алтай, 1989). Награждён Орденом-знаком Велимира «Крест поэта». Лидер движения дикороссов и главный редактор одноимённого сайта www.dikoross.ru. Член Высшего творческого совета Союза писателей XXI века. Член редколлегии альманаха «45-я параллель».

* * *

Со мною скоро онемееет мать.
Я тоже скоро онемею с небом.
А небо онемееет с кем? Сказать?
Никто не скажет.

Стикс впадает в Неман.
Безгласие. Хоть ором полон двор.
А звук, который

приближался к Блоку,
на пересылке звёздной кто-то спёр,
и проку нет с печи слезать пророку.
А те, кто взнuzдан тягой слуховой,
летят на отзвук трубного регистра —
там холодно, там олово с лихвой
из олухов вытапливают быстро.

* * *

Время мое миновало.
Слово моё не сбылось.
Видимо, времени мало
Слову, что с Временем врозь.
Бог ещё нужен. Но Слово
тихо покинул Господь.
Нету для Бога покрова —
можно лучом проколоть.
Кто ж там, совеем от пиришеств,
клича парчою паршу,
Словом отринутым пишет,
ежели я не пишу?!

Не трепещи, ангелочек,
и за меня не моли
Времени для проволочек:
то ещё не перечли.

Портрет в глубине пещеры

Зачем творец сменил наземный свет
на острый мрак пещеры безымянной,
где сам себя, негорбившийся,

сверг
на гулкие колени покаянно,
и на коленях в глубь её проник,
и там, в одном из дальних ответвлений,
нарисовал на камне женский лик,
не распрямив ободранных коленей?

Затем ли ты под своды тьмы и льда
уносишь, мастер, замысел портрета,
чтоб скрыть его от света навсегда,
иль навсегда открыть его для света?

Клавиши

Книжный шкаф — клавиатура.
Сколько клавиш-корешков!
Пианист, губа не дура,
ах, рояль-то твой каков!
Нет единственного звука.
Есть единый звукоряд.
В безучастной гамме духа
книги рядышком стоят.
До — для Данта, фа — для Фета,
ми — Мицкевич, ля — Золя...
Пианист, ты слышишь это?
Где же музыка твоя?

Отчего по книжным полкам
водишь пальцем сверху вниз?..
Ты возьми аккорды с толком!

Но ответил пианист:
— Я сыграл бы на рояле,
я бы взял аккорды те —
только клавиши запали
у рояля кое-где.

Тень Тинякова

*Со старой нищенкой, осипшей, полупьяной,
Мы не нашли угла. Вошли в чужой подъезд.
Александр Тиняков*

По пояс — в тине, весь — в тени,
но мордую багряной — к свету:
— Подайте бывшему поэту! —
он просит ангелов. Они,
поэта в нём не признавая,
но бывшего поэта чтя,
швыряют из карманов Рая
монеты мелкого дождя,
как если бы по горло — в нимбе,
весь — на свету, лицом — во тьму
он демонов об анонимке
молил надсадно, а ему
одни лишь лестные посланья,
где есть обратный адресат,
шли без труда и угасанья,
Рай выворачивая в Ад.

— Подайте бывшему поэту! —
гремя веригами веков,
в тени и тине Тиняков
чеканил чистую монету
среди проституток и плевков.

Был Тиняков. Я сам таков.
Среди плевков и проституток,
очей, околышей, оков
пример мой мерзостен и жуток.
Но есть последняя строка:
— Подайте бывшему поэту! —
в хребтину мира острога
за то, что был поэт — и нету.
Зато деньга — на сотни га,
в подъезде старая карга
и та сипит:
— Гони монету!

И Тиняков напомнил свету,
что жизнь поэта — дорога.

Борис Юдин

Родился в 1949 году в Латвии. В 1995-м уехал в США. Поэт и прозаик. Стихи и проза публиковались в журналах и альманахах разных стран. Автор семи книг. Отмечен Премией журнала «Дети Ра». Сейчас живёт в городе Черри Хилл, штат Нью-Джерси.

* * *

Где-то минусы стремятся к плюсу
И из звуков возникают фразы...
Там живу я. Юный и безусый,
Невлюбившийся ещё ни разу.

Соловьи наяривают скерцо.
Мне не спится что-то до рассвета.
Слушаю, как громко бьётся сердце:
— Где ты, счастье?

Где ты,
Где ты,
Где ты?..

* * *

Старинный город. Лето.
Тень от клёнов.
А в нише дома, как шахтёр в клетки,
Раскрашенная статуя Мадонны
Стоит, бессильно руки опустив.

Туристы. Гид. Старуха нянчит внука.
Душа бессмертной будет. А пока
Скулит тихонько в подворотне сука
О том, что дворник утопил щенка.

Зимне-депрессивное

Ничего, мой друг уже не станется,
Ничего не сбудется, пока
Замерзают на платформах станций
Очень кучевые облака.

Дни идут не шатко и не валко.
Не поймёшь — вперёд или назад.
И рыдает за столом гадалка,
Посмотрев на карточный расклад.

* * *

Чист небосвод, сочнее светотени,
Стройнее угловатых яблоном стать,
И на ветвях такое белопенье,
Что хочется скворцом зашебетать.

Как хорошо болтать о всяком вздоре,
Смеяться, петь, смотреть девицам вслед.
И кажется, что нет ни бед, ни хворей,
И верится, что смерти больше нет.

* * *

Я не бандит, не бизнесмен, не мент,
И даже не администратор в бане.
Я заклинатель слов, я рудимент,
Ненужный, как желудочки гортани.

Не знаю точно, сколько лет пройдёт:
Ведь всё по кругу, сызнава и снова.
Но правнук неожиданно поймёт,
Что, — Чёрт возьми! —
«В начале было слово».

Владимир Монахов

Родился в 1955 году городе Изюме Харьковской области. Автор более десяти сборников прозы и стихов. За публикации философских эссе в журнале «Юность» в 2006 году награждён премией имени В. Максимова. Член редколлегии альманаха «45-я параллель». Живёт в Братске (Иркутская область).

* * *

Земля — это место с видом
на Господа Бога.
Иногда он ленится, отправляя
на службу Дьявола.
Правда, по мнению местных поэтов,
мысль не нова и убога,
Зато отражает точно мысли
из-под одеяла,
Откуда не видно ни звёздного,
ни хмурого неба,
Но тепло стабильно протекает
от пяток до кончика носа,
И где бы во снах домашний
романтик не был,
Он твердо усвоил правило —
у Вечности нет износа!

* * *

Памяти Александра Файнберга

Отыграли в была-не-была,
Подсчитали пожитки-убытки:
Жизнь стоит на краю ремесла,
Где рыдают прощальные скрипки.

Ходит-бродит в груди маета,
Распустив свои цепкие лапы.
Затаились в душе темнота
И поэт с погасшею лампой!

* * *

Свет попутный по краю
Вдоль горизонта ребра
Адамова в сторону рая
Двигается по утрам.
Гуще воды и хлеба,
Замесом текущих дел,
Корочкой чёрствого неба,
Но к путеводной звезде.

* * *

Между ними разлад,
Как смертельная трещина,
Вяло сердце стучит.
Душу жмёт холодок
Господи, как одиноко
Ему без женщины,
Что была в его жизни,
как твой поводок!

* * *

И оправдывались людишки,
убеждённые мыслью одной:
— Мы всего лишь пылинки
в божьей горсти.
А Господь смотрел с вышины
и качал головой:
— До пылинок в моей ладони
вам ещё предстоит дорасти!

Проза

Дмитрий Короленко

Родился в Киеве в 1975 году. С 1992 живет в Чикаго, где окончил факультет компьютерных наук Университета ДеПол. Финалист и призер многочисленных сетевых конкурсов, публикуется под псевдонимом Пик Апачи. В его произведениях представлены различные жанры: реалистическая проза, фантастика, сюрреализм. Любимая литературная форма - миниатюра.

Бисер

Лазурь моря веками вгрызалась в изумрудные склоны полуострова Сима. Говорят, издавна, как только весеннее тепло касалось глубин, над пробуждающимися лагунами слышался тихий свист. Это морские девы – «ама», выныривая, осторожно пробовали майский воздух. Еще миг, и обнаженная фигурка устало карабкалась в лодку. Очередной улов – всего несколько раковин. В одной из них дремало чье-то счастье.

Я никогда не был в Японии. В наших краях добыча жемчуга – занятие исключительно мужское. С замиранием сердца мы погружаемся в коварные воды прозрачных витрин и блистающих прилавков. А там нас уже ожидают белозубые акулы в фирменных костюмах и осьминоги с доброжелательными щупальцами. «Купите обручальное кольцо, – убеждала меня как-то одна каракатица, – она не сможет вам отказать. Бриллианты – это навсегда». В тот раз «вечность» продлилась всего три месяца.

Сегодняшняя продавщица молчит. У нее тонкие духи, ухоженные ногти, отточенная улыбка и уйма терпения. Я лепечу, что моя нынешняя девушка предпочитает жемчуг. И тогда джожина бархатных коробочек распахивают створки передо мной. В них месяцы квартирной платы.

– А... что-нибудь попроще? – спрашиваю убитым голосом.

В аккуратно подведенных глазах смесь жалости и брезгливости.

– Могу предложить вот это ожерелье, – говорит она. – Очень качественная имитация и цена доступная.

Соглашаюсь, чтобы скорее уйти. У искусственных бусинок идеально холодный блеск. Им не знакомо прикосновение ловких рук «ама». «Какая разница, – мысленно оправдываюсь по дороге домой. – Ведь жемчуг уже давно выращивают на плантациях».

– У редакции сегодня не было денег, и они расплатились этим, – шучу я.

– Сумасшедший! – кричит Ксюшка, хватая подарок, исчезает в спальне, возвращается, чмокает меня и опять убегает крутиться перед зеркалом. Сейчас мне совестно, ведь моя девушка действительно любит жемчуг. А в остальном она нетребовательна. Хотя бы потому, что безропотно выносит наши метания между заработками. Зачитывается моими рассказами об экзотических местах, где нам вряд ли доведется побывать. И часто готовит перловку, в которой ничего жемчужного, кроме названия.

В гости нас позвали к вечеру. Солнце уже прячется за многоэтажками, и остывающий город захлестывают волны сирени. Нарядная Ксюшка торжественна, как английская королева. Позабыт кусачий шарфик, теперь ее шею греют три нитки перламутра. Встречные плятятся, и моя девушка смущенно улыбается им. То ли от заката, то ли от ее румянца ожерелье загорается мягким розовым сияньем. И в этот миг я понимаю, что любая жемчужина мертва, пока не познает тепло женской кожи.

Мы проходим мимо знакомой витрины. Среди мерцающих подводных сокровищ моя недавняя искусительница готовится к закрытию. На секунду ее безупречный фасад пускает трещину, и оттуда выглядывает усталость. «Интересно, ее кто-то ждет дома?» – думаю я, сжимая горячую Ксюшину ладошку.

«И др.»

Колокольчик у входа звякнул, и хозяин книжного магазина засеменил ко мне радостной походкой гейши. На груди болтался огромный бейдж с именем «Яша» и архаичным смайликом.

– Здравствуйте, дорогой читатель! – сказал он, причмокивая буквой «ч» словно леденцом. – Как поживаете? Надеюсь, ваша тетюшка чувствует себя лучше?

Я недовольно сморщился – за недолгое время пребывания в Городе будущего мне так и не удалось привыкнуть к датчикам, считывающим информацию с твоего паспорта в каждом магазине.

– Шучу, шучу, – поспешно добавил Яша, превратно истолковав мою кислую мину. – Старая карга наверняка скоро помрет и оставит вам прекрасенькое наследство!

Он был неискренним.

– Какие книжки желаете? Может, Ефросинью Мостовскую?

– А кто это? – глупо спросил я.

– Простите, ни в коей мере не хотел оскорблять ваш вкус, – изогнулся он дугой, вибрируя над своими сияющими ботинками как вопросительный знак над точкой. – Такому изысканному молодому человеку, наверняка, нужно что-то элитное, подлинно интеллектуальное. Окэ Мортубе, Девил Карсо... (он закатил глаза, словно дегустировав изысканно вино) Да, да! Конечно же, Василий Карманников! Поверьте старому эксперту, Василий – именно то, что вам нужно!

И он под локоток отвел меня к шеренге полок, осененных большим картонным именем неизвестного мне творца.

– Оставляю вас наедине, дабы не мешать таинству выбора! – и, по-сутенерски подмигнув, мой грузный Вергилий воспарил к прилавку.

Обширное литературное наследие Василия Карманникова с первого взгляда поразило меня многогранностью его таланта. Здесь были и огромные романы, и театральные пьесы, и даже (в разделе «Ранний период») повести для юношества вперемешку с довольно скабрёзными стишками. Василий много работал в соавторстве – практически на каждой обложке помимо его имени крупно была выведена пара-тройка других имен, строчкой ниже – еще десяток шрифтом помельче, за которыми следовало загадочное «и др.» Внезапно знакомая надпись привлекла мое внимание. Я схватил книгу, перелистнул. Ошибки быть не могло.

– Не могли бы вы... – не успел я раскрыть рот, как хозяин магазинчика непостижимым образом снова был рядом и вопросительно глядел на меня.

– Ваш Василий – плагиатор! – воскликнул я.

– Кто? – не понял Яша.

– Вот, поглядите! – потряс я книжкой перед его носом. – «Король Лир». Трагедия. Даже малые дети знают, что она принадлежит Шекспиру!

– Кому? – коротенькие ручки взяли у меня книгу, тень от очков проехавшись по крупным и мелким именам над заглавием.

– Но здесь нет никакого Шекспира! – наконец, робко воскликнул Яша. – Кто он, вообще, такой? Может быть, ваш знакомый? В таком случае, я очень сожалею, что ему не хватило места на обложке, вы же видите – список неполный, здесь еще «и др.» на конце...

– И др.?!?! – воскликнул я. – Да Шекспир написал эту книгу! Один, без малейшей помощи гениального Василия Карманникова!

– Выходит, ваш Шекспир – писатель? – брезгливо сощурился толстячок. Вдруг в глазах его мелькнуло понимание. – Позвольте, быть может, вы – нездешний? – спросил он.

– Да, лишь вчера прибыл в Город, – буркнул я, отчего-то смущаясь.

– Что ж вы сразу не сказали, голубчик! – с облегчением рассмеялся мой собеседник, снова обсасывая букву «ч». – Должно быть, приехали из тех глухих мест, где еще используется древняя классификация книг. Здесь то о ней мало кто знает даже среди ученых, но вам повезло встретить настоящего знатока (он скромно потупил глазки). Не желаете ли кофе?

Яша заботливо увлек меня к маленькой скамейке в глубине зала, плеснул черноты в чашечку размером с наперсток и принялся порхать вокруг, увлеченно жестикулируя:

– Более сотни лет назад и у нас использовалась неудобная устаревшая систематизация – по авторам. Но время шло. Количество читателей почти не увеличивалось, а то и сокращалось, зато по мере удешевления печати поголовье писателей росло в геометрической прогрессии. После появления Интернета они уже стали плодиться, как кролики. Лет через пятьдесят сложно было найти на Земле человека, который не являлся писателем. Каждый день выходили миллионы новых книг, и если кто-то вдруг в перерывах собственного творчества решал приобщиться к чужому, сделать выбор у него не было ни малейшей возможности. И тогда мы приняли эпохальное решение. Если читателей гораздо меньше, чем писателей, то атрибутировать произведения гораздо проще по первому, чем по второму. Это решило сразу множество проблем. Теперь людям не надо перелопачивать тонны литературы, чтобы найти произведения, которые им точно понравятся. Достаточно единожды отыскать опытного читателя с похожим вкусом...

– Но как же классики? – перебил я его. – Те, кого должен прочесть каждый культурный человек?

– Мой юный друг, все классики тоже когда-то были современниками, модными и не очень. Каждое следующее поколение стояло на плечах предыдущих, в результате лучшие литературные новинки как минимум не хуже заплывшихся трехсотлетних патриархов. То, что писалось еще раньше, едва ли помнят даже специалисты, а чтобы прочитать все, что числится по разряду классики, нужен десяток жизней. В конце концов, если вы любитель старины, взгляните на полки Федулова и фон Барка. Первый – скорее западник, второй – ярый славянофил, оба ненавидят все современное, так что вам надо лишь определиться с собственными пристрастиями.

Загадочные обложки начали обретать смысл, но многое оставалось неясным.

– А почему разные фамилии пишутся разными шрифтами, если все они – только читатели, не имеющие отношения к созданию книги?

– О, статья востребованным читателем, имя которого печатают крупным кеглем, очень нелегко, – усмехнулся мой собеседник. – Нужно не только обладать отменным вкусом и хорошим знанием литературных кругов, но также иметь превосходную интуицию. Ведь выделить среди общей массы читателей, все еще довольно значительной, можно только одним способом – раньше других открывая будущие бестселлеры, выискивая в прошлом и настоящем самых востребованных авторов. А это ничуть не проще, чем написать тот самый бестселлер, уж поверьте! Но и награда велика. Опытные читатели – одни из самых богатых и уважаемых людей в нашем городе. Их менее известные коллеги обозначаются шрифтом помельче, а нам с вами, как правило, остается короткое «и др.». Такова жизнь!

Его маленькие глазки сверкали так, что он вполне мог бы зажигать огонь, пользуясь очками вместо лупы.

– Но если я хочу не полагаться на их мнение, а прокладывать в море книг собственный курс?

– Да вы – любитель рисковать, молодой человек! – осклабился толстяк. – И мне это нравится! Желаете добывать жемчуг на дне морском

Владимир Севериновский

Родился в Москве в 1975г. Кандидат экономических наук, финансист и путешественник, посетивший около 60 стран. Со-автор романа «Отсчёт пошёл», автор рассказов и научных статей. Перевёл на русский язык документальный роман Дж. Кракауэра «Навстречу дикой природе», а также стихи ряда англоязычных поэтов.

вместо того, чтобы покупать его в магазине. Как знать, возможно, когда-то здесь будет раздел и с вашим именем... Что ж, посмотрим!

Он увлек меня к компьютерному пульту, сделал над ним несколько магических пассов, и на экране замелькали обложки с названиями.

– Вот, чудный экземпляр, – Яша уперся в экран пухлым пальчиком. – «Подорожавший подорожник», роман в трех томах. Единственный читатель – Хомякова Н.Л. Наверняка, жена. Не угодно ли рискнуть и стать вторым?

Я отрицательно покачал головой.

– Тогда попробуйте искать сами...

Я взял протянутый мне джойстик и легонько повернул его. Сотни книг замелькали перед моими глазами, словно стая хищных птиц. Каждая норовила меня зацепить – то аляповатой обложкой, то вымученно броским названием, то яркими стикерами: «Понравилось даже Лоботрясову!» «Первые сто читателей – бесплатно!» Они кружили вокруг меня, заманивая шуршали белоснежными нетронутыми страницами, и я тонул в море слов, годами поджидающих свою неосторожную добычу...

– Кстати, не хотите ли поучаствовать во встрече с читателем? – прервал поток моих мыслей хозяин лавки. – Сегодня повесим афишу, а завтра, чтобы побеседовать с вами, сюда сбегутся десятки авторов! Можем даже сделать платный вход, а прибыль поделить, – поспешно добавил он, заметив мою нерешительность. – И охрану найдем на всякий случай...

Я вежливо отказался и направился было к выходу, но вдруг остановился, пораженный внезапной мыслью.

– А как же писатели? Что стало с ними?

– С авторами получилось как нельзя лучше. Мы разом избавились от большинства бездарных честолюбцев. Что же касается тех, кого, как читал Пузыкин, требует к священной жертве Аполлон, они все равно никуда и никогда не денутся. Будут строчить. Некоторые читатели даже платят особо выдающимся экземплярам часть своих гонораров, но это – чистая благотворительность. Рассказывают, что когда-то особо наглые писатели пытались продвигать свои книги, выступая в роли читателей, да только ничего у них не вышло. Писатель – как адвокат, стоит ему начать защищать себя, мигом оказывается всеобщим посмешищем.

Уходя из магазина, я все же взял наугад небольшую книжку с девственно белой обложкой. Кто знает? Возможно, мне суждено обнаружить настоящую жемчужину – из тех, что распахивают двери в мир профессиональных читателей. А если нет, то, по крайней мере, на следующих экземплярах будет гордо красоваться мое имя. Одно, без приписок мелким шрифтом и уж, тем более, без дурацкого «и др.»

Глаза в глаза

В жизни каждого человека хоть однажды бывает встреча, которую он не сможет забыть никогда. Даже если в старости у него появится склероз, эта встреча будет помниться так, как будто состоялась только вчера. В моей жизни тоже есть такая встреча. Именно о ней я и хочу рассказать.

Эта встреча была очень таинственной и долгожданной. Однажды я случайно узнала, что через определённое время она состоится. Мне было радостно и одновременно страшно. Предвкушение тяготило, ослепляло и интриговало. Знаете, как в детстве, когда первый раз прыгаешь с высоты в реку: стоишь на краю обрыва, смотришь вниз на воду – тебе и страшно, и весело; а вода как будто гипнотизирует, и по спине бегут мурашки от осознания полной неизвестности того, чем закончится этот прыжок...

Я знала, что эта встреча изменит всю мою жизнь, поэтому решила не тратить время и подготовиться к ней. Каждый день я представляла себе, как это будет. Как я встречу самого главного человека в своей жизни. Я знала, что этот человек будет идеальным, поэтому хотела соответствовать ему во всем... Утром я занималась спортом, чтобы бытьстройной и выносливой. Днём пила кофе, чтобы насытить организм витаминами, чтобы быть здоровой. А вечерами читала Достоевского и слушала Баха, уютно устроившись под пледом на диване...

А ещё я любила выйти вечером на улицу... Я подолгу ходила по аллеям и всё думала – как же я буду жить после этой встречи? Кем я стану? Что во мне изменится? Как поменяются мои вкусы, взгляды, привычки?... Может, я разлюблю шоколад или полюблю оливки? А может, я больше никогда не захочу слушать классику или начну увлекаться популярной музыкой? Может, я перестану осуждать зло или стану равнодушной ко всем, кроме себя?

А по ночам мне снились яркие сны. Я пыталась увидеть, как же выглядит человек, так сильно влияющий на мою судьбу, моё подосознание? Но не могла... Я не знала, какая у него внешность, не знала его имени, не знала, кем он станет и как отнесётся ко мне. Я даже не знала – мужчина это или женщина. И называла его ОН только потому, что это – человек. Я знала только, что ему тоже очень нравятся бананы, так же как и мне. Знала, что он так же любит плавать, смеяться. А ещё почему-то мне казалось, что у него очень красивые и умные глаза. Во сне мы разговаривали, но наутро я не могла вспомнить – о чём? Может, он пытался меня о чём-то предупредить, или попросить?

Так проходили дни, плавно перетекая в недели... Я пыталась узнать о НЁМ как можно больше. Я придумывала, каким ОН будет, как пройдет наша первая встреча..... Недели превращались в месяцы – я терпеливо ждала... Хотя, если честно, любопытство просто разбирало меня, я хотела, чтобы всё произошло как можно быстрее. Но понимала, что всему – своё время.

В один погожий весенний денёк я почувствовала, что это произойдет сегодня – мы встретимся, обязательно встретимся! С самого утра я готовилась к этому – пыталась сдерживать свои эмоции, боялась что-нибудь сделать не так и поэтому продумывала каждый шаг.

И вот, после нескольких месяцев томительного ожидания, эта встреча наконец-то состоялась! У меня на груди лежал крохотный комочек, который приподнял головку... и я первый раз увидела глаза своей дочери. Они были ярко-синими, как васильки, и умными, как я и представляла. Мы смотрели в глаза друг другу – и я смеялась от счастья, а дочка изучала человека, который так долго ждал этой встречи...

Марина ЧУМАКОВА

Виктория Чембарцева

Родилась и живёт в Кишинёве. Окончила факультет маркетинга Экономической академии Молдовы и факультет психологии Института непрерывного образования. Член Ассоциации русских писателей Молдовы. Член Союза писателей Москвы. Автор поэтической книги «Тебе...» (Кишинёв, 2010) и ряда публикаций в периодике и коллективных сборниках. Участница Форумов молодых писателей России (2009-2010). Победитель и лауреат многих международных литературных конкурсов.

В ночь на 18 июля

За ливнями испарина дорог.
Июльский календарь листает осень.
Сквозняк субботний кисею возносит
жеманниц занавесок-недотрог.

И медленно стекает молоко
за край стола на тёмный пол дощатый...
И тени звуков прорастают мятой,
безмолвием... И света волокно

луной дрожащей под торшер ложится.
Отяжелев, смежаются ресницы.
И ветер ночи выдохнет в окно

раскатом грома в лёгкой колеснице.
И обогретою в ладонях птицей
забьется сон, приснившийся давно...

Тысяча двести восемьдесят часов до зимы

Бессонницей травы звенит река,
пока ещё сиреневые тени
в тепло песка врисовывает ленно
скупой закат. Всего лишь час, пока

в овраги парка спустится туман,
с берёзы лист слетит сусальным златом,
его нашьёт, как яркую заплату,
бездомный ветер на пустой карман.

Пока ещё лиловый горизонт
неспешно стянет над землёю небо
в распахнутый упруго звёздный зонт.
Многоголосье уличного бреда

начнёт стихать, дробясь на звонкий лёд
«До парка» дребезжащего трамвая,
на лай дворняги, что бредёт, хромая;
измучивший сознание полёт
зудящего над прудом комара.

Почти экватор осени... Пока
ещё не стынут лужи по утрам,
пока не серебрится по пескам

аллей холодный иней, и пока
заплаканная зимняя тоска
промедлила с истерикой. Пока...

Писатель

Туман белее снега с Арагаца,
и девственно чиста твоя страница —
беседа букв и болтовня глаголов
остались за порогом кабинета.

По улице плывёт большая рыба.
Молчит и тонет, вязнет в зимнем иле,
то вздрогнет чешуёй зонтов неровно
от городского шумного прибора —

блуждает взгляд в окне...

Остывший кофе,
раскрыта «Капля мёда» Туманяна,
срывают тишину секундной стрелкой
часы, и не написано ни строчки.

О, этот долгий сон, длиною в зиму,
когда тоска совсем невыносима,
и сумерки скользят по стенам комнат,
когда Её лица уже не вспомнить...

25 июля. Санторини

Имена по крупницам склевали чайки,
мы не помним, как откликались прежде..

Разливает лето — вскипевший чайник —
по шербатым чашкам июль небрежно.
Остаётся семь — на неделе выпить,
да ломтём луны закусить, как дыней..

На холме наш дом был бы ближе к выси..

Двадцать пятый день. Июль. Санторини.

* * *

А. Чернову

Я видела в стеклянной тишине
усыпанную миртом терракоту,
и солнце в багровеющем вине
за горизонт стекало с позолоты,
как день старел, и морщилась земля
от засухи растрескавшейся кожей.
Я видела, как дерево гложет тля —
подкорково, пожизненно, похоже
на всхлипы раскрываемых дверей,
где за порогом Бог, а может, дьявол,
и где стоишь растерянный, ничей,
не знающий, ни лево где, ни право,
и травы прорастают сквозь следы,
и обморочно пахнет земляникой,
и ночь, качая стебли лебеды,
в зрачки глядится звёздно, многолико.

Я видела... Я видела сквозь сон,
как в шепоте песка вершилось время,
и слова опрокинутого звон
летел строкой в чернеющую темень...

Часы до темноты

На завтрак чай, ещё — вишнёвый дым,
раскрытое окно и запах снега.
Опавший лист рыжее лисьим следом,
тумана кокон да предзимья стынь.

А стрелы серых ангелов дождя —
как пальцев ледяных касанье — сердце
пронзят навывлет. Тихо скрипнет дверцей
ночной сквозняк, из дома уходя.

И холодом дохнёт. Из пустоты
заглянет в душу взглядом
из-под взгляда
чужое одиночество, и адом
покажутся часы до темноты.

Как долька мандаринная — луна
под вечер. «Спишь?» —
услышу ли, приснится.
На дне зрачка забьется светлой птицей
свобода, не обещанная нам.

Римское

Мне заблудиться в улицах твоих
не даст луна, следящая за Тибром.

Звонят к вечерне, и внезапно стих
в платанах ветер... Написать верлибром
о золотом свеченье фонарей,
о чайках, белых даже в саже ночи.
А может, в рифму стоит? —
это, впрочем,
получится и проще, и скорей.

В кварталах гетто пахнет молоком,
и сырость Черепашьего фонтана
напомнит об Иосифе — о том,
что мимо шёл, «не замочив кафтана*»...

Истерзана помарками строка,
да что строка — горит костёр бумажный!
И Бруно* тень проходит сквозь века
по Площади Цветов. И так ли важно,
что дела нет сегодня до меня
Эвтерпе, Эрато и Каллиоппе?!

Ноябрь. Рим. Я на краю Европы,
и с Тиберина в колокол звонят.

*Строка из «Пьяцца Маттеи» И.Бродского
*Джордано Бруно сожгли в Риме на Сатро
dei Fiori (Площади Цветов)

Майя Шварцман

Родилась в Екатеринбургe, закончила консерваторию, работала в оркестре театра оперы и балета, ныне скрипач Симфонического оркестра Фландрии. Печататься начала в 1984-м году. Из России уехала в 1990-м. Живу в волшебном городе Генте (Бельгия) с волшебными же детьми.

* * *

Молчание, — ты лучшие стихи
в часы, когда зрачкам не надо света,
чтобы видеть явь; раздутые мехи
горящих лёгких в поисках ответа

среди всемирной глухонемоты,
царящей беспробудно, монолитно.
Молчаньем искажаются черты
любви, в её попытке первобытной

заговорить, когда идёт война
меж скорбью мировой и болью частной,
и тело застывает буквой на
бумажной простыне, глухой согласной

на всё. И остаётся на губах,
в их глиняные трещины зарыта,
невывысказанность слова, страсти прах,
мычание в потёмках алфавита.

* * *

Не всё ли нам равно, что покидать.
Все лестницы — лишь выходы из дома.
Попробуешь прийти сюда опять,
но ключ не подойдёт к замку дверному.

Забит пароль, нет доступа в сезам,
в отчества и отчества руины.
Не всё равно ль, по волчьим ли глазам,
по звёздам ли, по песне лебединой

гадал авгур, незрячий звездочёт,
предсказывая эти перемены,
где зеркала расширенный зрачок
не видит больше красоты Елены.

Твои черты по мифам растеклись,
и не найти судьи для казни спора.
Душа сама себе спартанский лис,
и сердце зреет яблоком раздора.

Уйди прозрачным шагом, налегке
из западни, на комнату похожей,
не вглядываясь, что там на крюке
колышется от сквозняка в прихожей,

оставь ключи, кровать не застилаи,
пусть кран течёт и пыль летит к порогу...
Когда домой вернётся Менелай,
он всё поймёт и скажет:

слава Богу.

* * *

Дочке Саши

Играя, музыки живей
живёшь сама ты,
своей улыбки и бровей
неся ферматы,
телодвижений и шагов,
штрихов, акцентов,
соткавших праздничный покров
и свет концерта,
чьи звуки непревзойдены
от нот затакта
до тоники, без тишины
и без антракта.
Лучистой смесью озорства
и песнопенья
летишь дуэтом Рождества
и Воскресенья.
Литые клавиши ключиц,
и губ капризы,
и лиги длинные ресниц,
и слёз репризы,
твоих восторгов небосвод,
твои недуги
свиваются в водоворот
органной фуги.

Весь день ты искрой, тетивой,
скрипичной трелью,
а ночью — паузой живой,
и на постели
густые линии волос,
как струны арфы,
и я — у ног, как повелось,
неслышной Марфой.
Твой тихий сон поцеловав,
лелею эхо
твоих заоблачных октав,
дыханья, смеха.
А ты в мерцанье золотом
и молчаливом
лежишь мелодии ростком,
босым мотивом,
бумагой нотной, полной сплошь
живых помарок...
От жизни ты подарков ждешь,
сама — подарок.

* * *

Как в огонь мотылёк,
как под серп василёк,
как пушинка случайная — в тигель,
как больной на сквозняк,
как к обрыву бедняк
инстинктивно спешат на погибель —

я, дыша тяжело,
отвергая тепло,
кров, пожитки, покой, подлокотник,
всё бегу без конца,
словно зверь на ловца,
за тобою, — да ты не охотник.

* * *

Нагнись ко мне, и я тебе шепну
так тихо, что, должно быть, тишину
прекрасную, её молчанья лоно
не разорву, величья мига вниз
не уроню с его высот, нагнись
ко мне, я научу тебя наклону

и разговору долгому, без прав
и помощи словесности, обняв
соцветье рук твоих, локтей, коленей, —
преображённые, они не те
сейчас, что были днём, мы в темноте
прочтём немой словарь прикосновений

и наставлений нежности. Прильни
ко мне ещё тесней, как в оны дни,
и, стиснутое кубиками комнат,
пространство, прежде бывшее ручным,
раздвинется, рассеется, как дым,
и станет вездесуще и огромно,

и в нём мы затеряемся. Прижмись
ко мне, и мы с тобой украсим жизнь
своей любовью, горячо и просто,
и нашего дыхания полёт
огня частицу в небо вознесёт,
вращая и поддерживая космос.

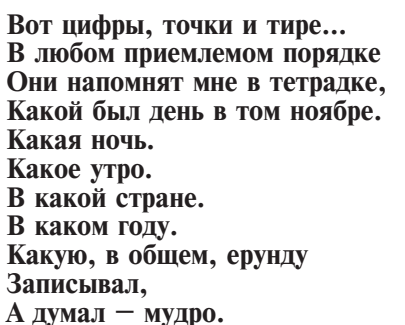
* * *

Когда меня отчислят из живых,
списав из единиц в разряды шлаков,
я выпущу из рук погасший стих
и лестницей, которую Иаков
воображеньем сонным смастерил,
взойду в края, каких не видно снизу,
куда ведут ступени без перил
и не нужны ни пропуски, ни визы.

Я, запинаясь, поднимусь туда
по вертикали судового трапа,
не веря в окончательность суда, —
как каторжник, который по этапу
пускается, не веря ни клейму
на лбу, ни в непреложность приговора,
в уме всё возгоняя сулему
реванша за изъятие из фавора.

Меня там встретит утомлённый клерк,
от должности малоподвижной тучный.
Гостеприимства тусклый фейерверк
изобразит, сипя одышкой, ключник,
казённый посоветует маршрут,
зевая на заезженных цитатах...
(Не мне чета уже бывали тут
в бытописателях и провожатых!)

Я уроню, замусорив пейзаж,
шепотки слов, обрывки эпитафий —
последней эмиграции багаж —
на белых облаков потёртый кафель
и, надпись «рай» увидев у ворот,
схвачусь за грудь, и ахну, и забуду
зажать ладонью бездыханный рот:
Не может быть. Я только что оттуда.

Полёт сороконожки

Рубрику ведёт Н. Крофтс

«Анализировать Поэзию – это то же, что изучать полет птицы, препарируя её»

Р. Тагор

«Когда у сороконожки спросили, как она управ-
ляется со всеми своими лапками, она задумалась –
и не смогла больше сделать ни шагу»

Старая притча

1. «Не знаю, плакать мне или смеяться», или «кто такой Алконост»

«На погосте грустит Алконост», – пишет Сергей Сутулов-Катеринич (с.3). Мы все знаем, что Алконост – это грустная птица с женским лицом, испокон веков сидящая на веточке рядом с весёлым Сирином. Да так ли это?

Что самое интересное, многим так и не понятно, «кто же есть кто» на знаменитой картине Васнецова. Не верите? Попробуйте поискать объяснение этой картины в интернете, и половина сайтов «в помощь школьнику и учителю» вам расскажут, что весёлая-то на картине Васнецова – как раз птица Алконост. Да и словарь Ефремовой объяснит, что Алконост – это «сказочная птица счастья».

Алконо́ст в русском искусстве и легендах – райская птица с головой деви; на лубках её от Сирина, практически, не отличишь. Правда, считается, что у Алконоста есть руки, а у Сирина их нет, но даже это не совсем верно: встречаются и древнерусские лубки, где женщина-птица с руками недвусмысленно названа «Сирином».

Что же касается «настроения» птицы-Алконоста, то характеристика у неё самая радужная: «Чудесная птица, жительница Ирия – славянского рая. Лик у неё женский, тело – птичье, а голос сладок, как сама любовь. Услышавший пение Алконоста от восторга может забыть всё на свете, но зла от неё нет, в отличие от Сирина. Алконост несёт яйца на краю моря, но не высиживает их, а погружает в морскую глубину. В эту пору семь дней стоит безветренная погода» (Е. Грушко и Ю. Медведев «Словарь славянской мифологии»).

Славянский образ Алконоста восходит к греческому мифу об Алкионе: жена фессалийского царя Кеика, услышав о гибели мужа при кораблекрушении, бросилась в море, однако богижалились над супругами и превратили их обоих в зимородков (алкион, греч. ἄλκιον), как позднее напишет Овидий в «Метаморфозах». Этот миф связан с наступлением двухнедельного штиля в Эгейском море, совпадающим с периодом гнездования зимородков – и штиль этот подозрительно похож на затишье, описываемое в славянских источниках.

В славянскую традицию название и образ Алконоста, скорее всего, пришли по недоразумению: вероятно, при переписывании «Шестоднева» Иоанна Болгарского, где речь идёт о зимородке, слова славянского текста «алкион (зимородок) есть птица морская» превратилось в «алконост». Самое раннее изображение Алконоста встречается в книжной миниатюре XII века и впоследствии начинает часто встречаться в русском творчестве с XV века.

В отличие от Алконоста, фигура птицы Сирина была гораздо более амбивалентна. Райская-то она райская, но... «Тёмная птица, тёмная сила. Кто послушает её голос, забывает обо всём на свете и умирает, причём нет сил, чтобы заставить его не слушать голос Сирина, и смерть для него в этот миг – истинное блаженство» (Е. Грушко и Ю. Медведев «Словарь славянской мифологии»). Тут же вспоминаются и отнюдь не радостная птица Сирина в исполнении Лидии Вертинской, убаюкивающая Садко, и древнегреческие сирены, при всей своей сладкогласности тоже ничего хорошего не готовящие для проплывающих моряков.

«В обыденном сознании сложилось довольно устойчивое представление, что в народном искусстве Сирина – птица радости, а Алконост – птица печали. Это противопоставление неверно, оно не опирается на реальную символику этих образов. Анализ литературных источников, где фигурируют птицедевы, а также многочисленных памятников народного ис-

кусства (росписи по дереву, изразцов, вышивок) свидетельствует, что нигде Алконост не трактуется как птица печали. Вероятно, это противопоставление имеет своим истоком картину В. М. Васнецова “Сирина и Алконоста. Песня радости и печали” (1896)... Более ранних образцов противопоставления символики Сирина и Алконоста нам не встречалось» (Иткина Е.И. «Русский рисованный лубок»).

Эту новую традицию «разделения» Алконоста и Сирина на «печаль» и «радость» тут же усилил девятнадцатилетний Александр Блок, написавший в 1899г. стихотворение «Сирина и Алконост», посвящённое картине Васнецова:

Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Сирина счастья полный,
Блаженств нездешних полный взгляд.
И, затаив в груди дыханье,
Перистый стан лучам открыв,
Вдыхает всё благоуханье,
Весны неведомой прилив...
И нег мощного усилия
Слезой туманит блеск очей...
Вот, вот, сейчас распушит крылья
И улетит в снопах лучей!
Другая – вся печалью мощной
Истошена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...
Напев звучит глубоким стоном,
В груди рыданье залегло,
И над её ветвистым троном
Нависло чёрное крыло...
Вдали – багровые зарницы,
Небес померкла бирюза...
И с окровавленной ресницы
Катится тяжкая слеза...

А три четверти века спустя традицию под-
держал ещё один поэт, цементируя в современ-
ном сознании эти два образа: в 1975г. Владимир
Высоцкий пишет песню «Купола»:

Птица Сирина мне радостно скалится –
Веселит, зовет из гнёзд,
А напротив – тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост.

Но уже для Владимира Семёновича эти образы существовали на уровне подсознания. По воспоминаниям знакомых поэта, он сам удивлялся написанному: «Откуда это берётся? Вот птица Гамаюн, я даже не знал, что такая есть. Только потом узнал, когда написал» (Интервью О. Ярмольник «МК», 20.05.2005). На то же указывает и исследование А.В. Скобелева («Много неясного в странной стране», 2009):

В течение нескольких лет В. Высоцкий вместо «Сирина» пел «Силин», так же значится это имя в рукописи. В последних исполнениях ошибка была исправлена. Наличие этой ошибки говорит о том, что имя Сирина было изначально усвоено поэтом «на слух». В фильме «Короткие встречи» (1967) репродукция этой картины В.М. Васнецова присутствует в интерьере чайной, в которой работает Надежда.

Итак, у нас радостная вест: Алконост, хоть и грустит, но сравнительно недавно, чуть более ста лет. Может, пройдёт ещё столетие – и он опять развеселится?

2. Нью...(пианиссимо)

«Гениальный Ньютон...рыцарь Ньютон, пардон» Сергей Сутулов-Катеринич (с.3).

Исторически ударение в фамилии Ньютона чаще делалось на втором слоге, хотя ударение на первом соответствует английскому оригиналу. В современных словарях и руководствах единого мнения по этому поводу нет: словарь «Русское словесное ударение» М. В. Зарва (2001) требует ударения на первом слоге, Справочник Розенталя (1998) допускает вариативное ударение, но уточняет: «традиционно – Ньютон», «Орфографический словарь» под ред. В. В. Лопатина также допускает вариативность, но в «Орфографическом словаре русского языка» (6-е издание, 2010), утверждённом Приказом Минобрнауки России, указан однозначно Ньютон.

Вспоминается старая шутка:

– Маэстро, у вас тут стоит ми-бемоль, а у Чайковского ми-бемоль. Как играть?

– Играйте пианиссимо.

3. Кажется, всё кончилось удачно

«Легенда», Виталий Амурский (с.5).

Авторами собора Василия Блаженного летопись называет русских зодчих Постника и Барму. Существует предание, что Иван Грозный, увидев построенный собор, был так восхищен его красотой, что приказал ослепить зодчих, дабы они не могли нигде больше построить храм, равный по красоте Покровскому собору. К счастью, похоже, что эта история – только вымысел: согласно летописи, Постник участвовал в создании Казанского кремля несколько лет спустя после завершения строительства собора Василия Блаженного.

Некоторые современные историки полагают, что архитектором храма был один человек – Иван Яковлевич Барма, которого прозвали Постником за то, что он держал строгий пост.

4. «И вот... Но это ерунда, и было всё не так» ©

Георгий Яропольский на с. 5 обыгрывает латинскую фразу “ars longa, vita brevis”...

Этой известнейшей фразе уже пришлось пережить метаморфозы, как и многим высказываниям античности (см. в нашем предыдущем номере рассказ об истории слов «Платон мне друг...»). Конечно же, латинское высказывание – это только перевод. Конечно же, к продолжительности жизни стихов изначальное высказывание не имело никакого отношения.

Автор оригинала этого крылатого выражения – медик Гиппократ (V-IV вв. до н.э.). Разумеется, изыскался он на древнегреческом. И вовсе не говорил, что «искусство вечно»... или даже «долговечно», как получилось в латинском переводе у Сенеки-младшего (I в. н.э., De Brevitate Vitae I, 1). Написал же Гиппократ следующее:

Ὁ βίος βραχύς,
ἡ δὲ τέχνη μακρή

Смысл греческого высказывания таков: «жизнь коротка, а чтобы научиться искусству (врачевания, в данном случае), требуется много времени».

Радует, всё же, что хотя бы заповедь Гиппократа «не навреди» была понята правильно. Прислушиваемся ли мы к ней – это уже другой вопрос.

© А. Галич «Легенда о табаке»

5. Так выпьем же за Антиоха Дмитриевича

*«Всего, что б вам могло на ум
Прийти, считайте, с Кантемира»
Григорий Дразнин, с. 11*

А у вас что любимое из Кантемира? Если в ответ – молчание, то это и понятно: известных Кантемиров-то много было, трудно так сразу и выбрать... Но поэт, всё же, был один – Антиох Дмитриевич (не путать с Антиохом Константиновичем, тот был просто скромный господарь Молдавского княжества и поэту приходился дядей). Вспомним? Тем более что в сентябре у Антиоха Дмитриевича – день рождения. Кто его, кроме нас с вами, в наше время поздравит, да ещё и без круглых дат?

Антиох Кантемир

Русский поэт, переводчик и дипломат. Младший сын молдавского господара учёного-энциклопедиста князя Д.К. Кантемира; по матери – потомок византийских императоров. Родился в Константинополе 10 сентября 1708 г. Образование получил в московской Славяно-греко-латинской академии и петербургской Академии наук. В 23 года занял пост представителя России в Лондоне, затем – в Париже, где скончался в возрасте 35 лет. Погребён в Московском Никольском греческом монастыре. Ныне места его захоронения не существует, так как в 30-е годы XX в. монастырь был взорван, а прах поэта никто не выкупил (в отличие от праха его отца, Д.К. Кантемира, который выкупило в 1936г. румынское правительство).

Огонь и восковой болван. Баснь

Искусный в деле своем восколей,
Трудився, излил болван,
В нём уды, части, власы,
Болванчика того быть всяк бы
Окончав всё, неумно забыл отдалить
Болван от огня,
Осягл жар пламени воск,
Болванчика; пропал труд,
Болванчика; пропало всё дело.

Кто, дело своё вершив,
В долги веки, должен всё,
Отдавать и, что вредит,
Без того дело его не может быть спору.

На самолюбца

Наставляет всех Клеандр
Тот спесив, тот в суетах
Другой в законе не тверд,
И науки новостью
Наведи и на себя, Клеандр, зорки очи,
Не без порока и ты; скажу,
Самолубец ты, Клеандр;
Слепец как ведёт слепца,
Слепец как ведёт слепца,

О прихотливом женихе

Гораздо прихотлив ты,
Все девки наши
А ты сед и неженат:
Та стара, та неумна, та рода не славна,
Все негодны. Прихотлив ты,
Друг мой, гораздо.

Сатирик к читателю

Кольнул ты? Молчи, ибо ты не именую;
Воплишь? Не я – ты выдал
свою злобу злую.

К читателям

Не гневитеся, чтены, стихами моими.
С музой своей говорю; нет дела с иными.
Коли кому и смеюсь, –
Для украсы: ведь и в шах
нет смаку без соли.

Маргарита Виталина

Живу и работаю в Москве. Автор сборника «Не исчезай...100 стихотворений о любви», Москва, издательство АСТ, 2009 г.

Табу

Опять аэропорт,
и самолётный гул,
опять проносятся
и города, и страны.
Звучат: посадка — взлёт,
и всё одно Табу —
одно — “К тебе нельзя!”
Так странно!!!

Сегодня я в Стамбул,
а завтра в Рим лечу,
там столько много лиц,
мне совершенно чуждых.

И только не могу
лететь, куда хочу,
и только не могу
попасть, куда мне нужно.

Где нужно быть, где Ты,
где скромные цветы
растут назло
бессолнечной погоде,

Где вечно серый дождь,
где ты меня не ждёшь,
где солнца тусклый луч
мечтает о свободе.

Туда нельзя.
Табу...

Петербургское пьяное

Ты уткнулся в меня,
счастливый и мокрый,
Ласковый, как нос любимого пса!
Петербург! Я твоя теперь бесповоротно!
От макушки до кончика моего хвоста!

Закружил ты меня переулками гулками,
Обещая привал
на Васильевской стрелке,
Завалиться б под бок
у Фонтанки иль Невки,
И в глаза б не видать больше Пулково.

За три ночи — три дня
на Невском бешеном,
Истрепав до лоскутика пьяное сердце,
Ощущая себя то святою, то грешницей,
Нанизала его на иглу Адмиралтейства!

Петербургское злобное

Мне пулковский таксист
Совсем свинтил мозги,
Мы сладили с ним где-то посредине.
В Москве всю звезду,
И без луны — ни зги,
А в Питере — беззвездная пустыня.

Ну, просто беспредел —
Сведение мостов!
Сижу — курю, уже почти что плачу.
Пуститься, что ли, вплавь,
Всего-то метров сто
От этой до другой гранитной клячи.

Я Питер не люблю
При всей его красе!
Со мной всегда он негостеприимен.
Сидит кичливо Петр
На вздыбленном коне,
И городом своё шлифует имя.

Замороженное счастье

Вкус поцелуя мёрзнет на губах,
забытое тепло хранят ладони,
на дне бокала тонкой льдинкой тонет
зимы последней нашей благодать.

Ещё метелям грозно бушевать,
стонать подушке долгими ночами,
под Петербургом соснам укрывать
снегами белыми свои печали.

Москва солжёт с рассветом,
как всегда,
расскажет, что она слезам не верит,
в спам занесёт ещё одну потерю
и заморозит счастье на губах.

Людмила Чеботарева (Люче)

Поэт, прозаик, переводчик с иврита, английского и испанского языков.

Автор и исполнитель песен. Родилась в Воронеже, окончила факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Жила в России, Украине и Белоруссии. С 1993 года живет в Израиле в городе Нацерет Иллит. Организатор, лауреат, призер и член жюри многих литературных конкурсов. Автор трёх стихотворных сборников.

Охота к перемене мест

С листа играли листья Листа.
А ветер — дирижер-смутьян —
Пронесся с гиканьем и свистом
(Как видно, был изрядно пьян).

И поведением безобразным
Он взбудоражил весь оркестр.
А знаешь, видимо, заразна
Охота к перемене мест.

На небе крики птичьей стаи —
Орнамент в стиле рококо.
И я бегу — куда, не знаю,
Но навсегда. И далеко.

Ноябрьские стихи

На лужах пузыри, как волдыри, —
Следы ноябрьских пьяных
ливней рьяных.

И снегири, как будто упыри,
Кровавый сок рябины жадно тянут.

Но снег уже готов упасть к ногам,
И млеть, и таять от прикосновенья.
И, наконец, душевный «балаган»
Перерождается в стихотворенье.

* Слово «балаган» на иврите обозначает «беспорядок».

Нелепое слово «Прощай»

Мысль — обратима.
Слово — нет.
Как только с губ оно слетело,
То тотчас превратилось в тело,
В реальность,
в темноту
и в свет.
В молитву,
в таинство,
в закат.
И в дым,
и в облако,
и в пепел.
Его звучание — нелепо,
Но смысл — нелепей во сто крат:
«Прощай!..»

Бескрылость

Солнце тучей занавешено,
Словно пыльной гардиною.
Я мечтала слыть безгрешною,
Я желала быть невинною.

Но безгрешные не каются
И не ищут оправдания.
А когда любовь кончается,
На последнее свидание
Не летят молить о милости.
Только плачут —
От бескрылости.

Галатея

Я ожила под Вашими руками,
А Вы не видели, что я уже живая,
И вновь и вновь, к своим богам взывая,
Молили, чтобы жизнь вдохнули
в камень.

И в час ночной —
нагой и откровенный —
Вы статую назвали — Галатея.
Дрожала жилка тонкая на шее.
Галактики взрывались во Вселенной.

Не веря в чудо, утешаясь снами,
Пигмалион сомнамбулам завидовал...
Ах, как мы часто, поклоняясь идолам,
Не замечаем тех, кто рядом с нами...

Полнолуние

Когда луна кругла, как камень,
Уже готовый лечь в прашу,
Я вновь метлу свою ищу,
Чтоб полетать под облаками.
Взглянуть на землю с высоты —
Ну, как — без Мастера легко ли
Вам жить в земном своем расколе?
И желтолунные цветы
Прижать к себе... Заплакать тонко...
Потом почти поддаться сну...
Но вдруг, ломая тишину,
Завыть волчицей на луну
С глазами мертвого волчонка...

Не Беатриче

С последним солнечным лучом
Замрет скрипичное каприччо.
А я тут вовсе не при чем,
А я — не Ваша Беатриче.

Войдет октябрь в мой тихий сад,
И вознесутся горьким дымом
Воспоминанья о любимом —
Рай... и чистилище... и ад...

На лужах зреют пузыри,
Как яблоки в саду осеннем.
И ожидание зари,
Как заклинанье о спасенье.

И дождь на тоненьких ногах,
Обутых в стертые пуанты.
А в расходящихся кругах
Мелькнет внезапно профиль Данте.

Перевод из Федерико Гарсиа Лорка Танец. В саду Петенеры

В ночи сада,
в своих белоснежных платьях
шесть цыганок танцуют,
раскрыв объятия.

В ночи сада...
Танцуют, глотая слезы.
Короной их косы венчают
бумажные розы.

В ночи сада
светло, будто ясным утром.
Шесть цыганок сверкают
зубов перламутром.

В ночи сада
уже удлиняются тени.
Цыганки восходят на небо
по лунным ступеням.

Григорий Дразнин

Родился в России, жил в Москве и других городах. Много путешествовал по стране и миру. В настоящее время живу в Америке, в пригороде г. Нью-Йорка, работаю по контрактам в народном хозяйстве.

Не верь

На город выпал черный снег,
Всю ночь кружил.
Тревожно было мне и век
Я не смежил.
Погостом веяло с реки,
Стал черным лес,
Наверно, демоны с тоски
Сошли с небес.
Иль это игры аонид,
Зрочка обман,
И если колокол звонит,
То не по нам?

Вдали легла надежды тень
И, сам не рад,
Как Казимир, я эту темь
Возвел в квадрат.
Молил я Господа: «Спаси
В полночный час
И чашу эту пронеси,
Минуя нас!»
А вьюга воет и метет,
Колотит в дверь,
Клянется Богом, что уйдет.
Не верь, не верь...

Сводка погоды

Ни зги и снега круговерть.
Простор, что выброшен на ветер,
В бахилах снежных шел на смерть,
Страдая, как у Гете Вертер.

Здесь даже мгла была бела,
Сплошная темь со знаком минус.
Сперва чернилась, как могла,
Потом сдалась врагу на милость.

Здесь все бело, как белый шум,
Белей всех белых пятен мира,
Всего, что б вам могло на ум
Прийти, считайте, с Кантемира,

Белей безмолвия, белей,
Чем зависть друга и белее
Звезды в скопление Водолея,
Костей кощия в мавзолее,

Белей всех армий, через Понт
Что шли, блуя за борт от качки,
В туретчину, за горизонт,
Без браунингов и заначки.

Зажги свечу, иди к окну,
Гляди, но им не делай знаков,
Там всех метет в одну копну:
И девственниц, и вурдалаков.

Журавли

Сидел с бутылкой над арыком,
Узбеки прыгали в пыли,
А в небе с гиканьем и криком
Летели клином журавли.

Куда пернатые летели
От нашей жизни красоты,
На юг, в престижные бордели,
На север, в царство мерзлоты?

А, может, просто так кружили
От скуки, кто их, птиц, поймет?
Они не мы. В них нет извилин,
В них только гордость и полет!

Гороскоп

Началась эта эпопея в воскресенье, жена из отпуска должна была приехать во вторник, поэтому заняться было нечем, и я пошёл в кино. Убогость сюжета фильма скрыть было нельзя даже обилием спецэффектов, и поэтому я заснул. Разбудил меня включившийся свет и старый армейский дружок Андрюха, проходивший мимо меня к выходу. С Андреем мы вместе два года служили в стройбате. Не видел я его уже лет пять, мужик он был отличный, разве что шутник непомерный, поэтому встреча была приятной. На радостях поехали с ним в кабак и там отлично посидели.

Но, как говорится, если вечером было хорошо, то наутро, да ещё и понедельника, так бывает далеко не всегда. Поэтому встал я, ну очень несвежий, а на работу надо было ехать через полчаса.

Заварив кофе и сделав пару бутербродов, я сел перекусить и вдруг вспомнил вчерашний разговор с Андреем. За пять лет он очень изменился, став значительно солидней, приехал на большой красивой машине и в хорошем костюме. Когда я его спросил, как он умудрился так подняться, он ответил, что я всё равно не поверю. После моих заверений, что я ему верю, как родной маме, Андрей всё-таки раскололся под самый вечер. Будучи изрядно навеселе, он обратился ко мне.

— Ваня, я просто два года назад стал жить по гороскопу, и у меня всё в жизни пошло, как по маслу.

— Да, ладно, — засомневался я.
— Да, точно тебе говорю, действует, — убеждал он меня. — Каждую неделю я покупаю «Х-Панораму», ну эту газету с программой телевидения, читаю там гороскоп, а он там самый лучший, ты уж мне поверь, и исполняю то, что там написано.

— Да фигня всё это, — засомневался я.
— Ну, не веришь и не верь дальше, — обиделся он, и мы эту тему больше не обсуждали.

А сегодня, сделав глоток кофе, я увидел газету «Х-Панорама», лежащую на столе, и решил попробовать, всё может быть.

Открыв страницу с гороскопом, увидев мой знак «Козерог», я прочёл: «У Вас появится возможность начать новую жизнь прямо с понедельника и перестроить все дела по собственному усмотрению. Звёзды сулят успех на новом месте работы».

Недолго думая, тем более что после вчерашнего думать было просто невозможно, я решил действовать. Пришёл на работу с часовым опозданием, наорал на начальника цеха, что мне всё и все давно надоели вместе со всем тупым директором, написал заявление на увольнение — и через два часа я стоял возле ворот нашего завода с трудовой книжкой в кармане. Посчитав, что сегодня я своё самое главное дело сделал, пошёл отмечать своё увольнение.

Во вторник утром приехала жена. Встретив её, я сказал что уволился, и скоро мы хорошо заживём.

— Не вижу логики, — произнесла она, покачивая головой, — ну, тебе, наверное, видней.

**Я сержусь, когда неправ
На себя за жуткий нрав,
Но особенно сержусь,
Что сердитым спать ложусь.**

**Всё в Москве сегодня гладко,
Хорошо и здорово:
Как в Нью-Йорке, даже взятки
Не в рублях, а в долларах!**

**Никогда не пеняй на судьбу,
Не вини в своих бедах кого-то,
Если ты вылетаешь в трубу,
То порадуйся чувству полёта.**

**Хоть в риторике множество блюд
Безупречных на вкус и на слух,
Не докажешь, что ты не верблюд,
Коль доказывать надо ослу.**

**Пиво каждый по-своему пьёт,
Кто степенно, а кто торопливо,
Не боясь за растущий живот;
Он растёт не от пива — для пива.**

**Мужчину вовек никакая беда
Не может сломить,
и он будет счастливым,
Для этого надо, чтоб было всегда
Горячее сердце, холодное пиво!**

**Защитник, вам моё “Адью!”
Не вы, система виновата —
Дешевле мне купить судью,
Презрев услуги адвоката.**

**Кто с судилищем знаком,
Тот у нас прекрасно знает:
Справедливость и закон
Слишком редко совпадают.**

**За воровство, за крах, за суд,
Где правый виноват,
Верхи ответственность несут.
Куда? — не говорят.**

**Если мы, транжира недра
Приближаемся к котомкам,
Что тогда в державе щедрой
Уготовано потомкам?**

**Одолев нищету и разруху,
Обновляется наша страна —
За продукты размерами с муху
Платим, как за покупку слона!**

**России современное движение
Назвал бы увязанием во лжи:
Чем больше говорим про достижения,
Тем хуже почему-то наша жизнь.**

**По труду у нас не платят,
Потому что денег мало.
Босс боится, что не хватит
Для прироста капитала,
Для покупок яхт, футклубов,
Для поездок в Куршавели,
При подсчётах, даже грубых,
Наберётся еле-еле.**

**То в загулы, то в аскезу
Я, бывает, залечу,
Но в политику не лезу —
Дурно пахнуть не хочу.**

Чёрный квадрат

**Казимир Малевич, кстати,
Хоть пророком не бывал,
Всех точнее в своём “квадрате”
Нашу жизнь наМАЛЕВАЛ.**

**Сплетал бы в стих хореи-ямбы,
Хвалил Россию, что есть силы,
Когда в родной поменьше ям бы
Да воровства поменьше было.**

**Раньше только по балету
Возглавляли мы планету,
А сейчас, погрязши в хламе,
Возглавляем по рекламе.**

**В Интернете вся планета,
Лишь лентяй в него не вхож.
— Есть ли жизнь без Интернета? —
Скоро спросит молодёжь.**

**Наша жизнь не мёд — горчица
Очень горькая и злая.
Хорошо, что быстро мчитса,
Раз она у нас такая.**

**На то, что делается нами
Господь взирает с высоты
И кроет всякими словами
За полный крах своей мечты.**

**“Интеллигент!” из уст подонка,
Какого — независимо,
Звучит с издёвкой и громко,
Но всё-таки завистливо.**

— А что такое? — поинтересовался он.
Вкратце рассказав ему мою эпопею с гороскопами, я «поблагодарил» его на великом русском языке за дельный совет. Услышав его смех, я ещё несколько раз «поблагодарил» его и бросил трубку. Через несколько секунд он опять позвонил:

— Иван, это же была шутка, мы же с тобой первого апреля встречались.

— Знаешь что, — прошипел я, — ты пошутит, а я себе всю жизнь сломал.

— Иван, я тебе всё возьмешу, — пообещал он. — Я тебе, что звоню-то, ты говорил, что Технологический институт заканчивал, а мне как раз на предприятие свой человек нужен, зам. по производству. Пойдёшь ко мне работать? Зарплата будет в три раза больше, чем ты получал.

— Дай подумать до четверга, — попросил я.

— Ладно, Иван, но только до четверга, — согласился он.

В четверг я дрожащими руками открыл последний номер «Х-Панорамы». В моём гороскопе было написано: «никого не слушайте, идите своим путём».

Я был на распутье....

Андрей КАЗИМИРОВ

Примечание автора: название газеты «Х-Панорама» выбрано методом псевдонаучного тыка, и не имеет никакого отношения к периодическим изданиям.

В Киеве цвели каштаны...

Вы бывали в Киеве, когда цветут каштаны? ...Нет? Жаль...

В среду была предзащита. Сдали. Гуляли по Крещатику, ели свои любимые конфеты — подушечки. Мы были счастливы... Мы — это девочки из женского университетского общежития — неутомные и всегда голодные курочки-пеструшки, без пяти минут — инженеры. Вахтёрша — тётя Оля — называла нас пеструшками из-за пёстрых шифоновых платьев, которые являлись предметом зависти. Сонька набрала когда-то по дешёвке на Подоле шифоновых отрезков, и стали девочки нарядными.

— Купите, панночка, шитьё! Оно так украсит ваше платьице! Купите, панночка... — Молодая баба не могла отпустить потенциальных покупательниц своего не очень ходового товара, продаваемого тайком на центральной улице, пока не заметит и не погонит милиционер.

— Сколько просишь? — привычным тоном завязтой купчихи спросила Соня.

— Сотню.

— Да за сотню я тебе сама такого понашью!

— Э, нет, панночка, вы посмотрите, работа какая!.. А материя какая! Чисто шёлк, — не унималась баба. И было, за что просить. По белоснежному, тончайшему, словно кожа младенца, полотну — замысловатый цветочный узор. От шитья веяло теплом человеческих рук. Да и в мастерстве рукодельнице не откажешь: стежок к стежку, что с лица, что с изнанки.

Но таких денег ни у Соньки, ни у всех нас вместе взятых не было. А шитьё понравилось.

— Давай, тётка, на обмен?

— А что дадите, панночка?

— Сало! Любишь?

Мы переглянулись. На прошлой неделе к Гале приезжала родня из деревни, привезла сало. Ещё на пару дней оставалось... Но шитьё понравилось. Да Бог с ним — с салом! Поголодаем, не привыкать!..

Пока Галя на трамвае ездила в общежитие, баба с шитьём слонялась под каштанами и поглядывала на нашу стайку. А вокруг степенно прогуливались или торопливо пробегали расцветшие вместе с каштанами дамочки послевоенного Киева. И она им ничего не предлагала! ...Ждала своё сало, унимая растущее с каждой минутой недоверие.

— Вот, нате! — Галя протянула тёткеличный ещё шмат сала, завернутый сначала в белую тряпку, а потом — в газету.

Та, оглянувшись по сторонам, чуть приоткрыла свёрток, по лицу пробежала едва заметная довольная улыбка, снова всё быстро упаковала и сунула в торбу. Потом аккуратно достала оттуда широкую в рыхлом рулоне ленту шитья и так же аккуратно опустила её в Сонькину дерматиновую сумку.

И уже на следующий день, после ночного бдения за старым «Зингером», мы щеголяли в пёстрых шифоновых платьях с шикарными рюшами и воротничками из потрясающего шитья ручной работы! И были голодными. И были счастливыми. А в Киеве цвели каштаны...

Даниэла ДОЛИНА

Михаил Ярохович

Автор более 300 публикаций в периодических изданиях (журнал «Вокруг смеха», «Литературная газета», «Фонтан» и др.) и сборниках («По секрету всему свету», «Улыбка Пегаса», «В точку» и др.). Журналом «Вокруг смеха» назван «Мистером Вокруг смеха — 2005 года». Автор нескольких сборников иронических стихов, каламбуров и одностиший. Живёт в г. Новороссийске (Россия).

Лирика и сатира

**Беззуба лирика. Она
Нежна, задумчива, скромна,
А вот сатира, та — зубаста,
Та в горло вцепится, и — баста!**

**Друзья есть разные, причём,
Различий в них немного —
Один подставит вам плечо,
Другой подставит ногу.**

**Из наук, по крайней мере,
Я одну сумел понять,
Что нельзя давать Сальери
В пьянках рюмки наполнять.**

**Женщина — чувствительный локатор,
И она легко меняет шарм:
Женщина до брака — провокатор,
После брака — истинный жандарм.**

**С истоков человечества замечен
Один весьма существенный обычай —
Мужчины все охотятся на женщин,
Пока не станут сами их добычей.**

**Меняется мой жизненный уклад:
С постели поднимаюсь в воскресенье,
Жена приносит тапки и халат,
А раньше приносила вдохновенье.**

**Жизнь прекрасна, спору нет,
Мне давно она по нраву,
Будто пачка сигарет
С разъяснением Минздрава.**